

Российская Академия Наук

НКС ООН РАН

Ассоциация
Российских
Банков

Национальный исследовательский
институт Доверия, Достоинства и Права

БАНКИ КИТАЯ

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

Материалы заседания
3 февраля 2024 года

ДОКЛАДЧИК:

Маслов Алексей Александрович
доктор исторических наук, профессор,
директор Института стран Азии и Африки
МГУ им. М.В. Ломоносова

НКС ООН РАН
Научно-консультативный совет
по правовым, психологическим
и социально-экономическим проблемам общества
Отделения общественных наук РАН

АРБ
Ассоциация российских банков

НИИ ДД и П
Национальный исследовательский институт
Доверия, Достоинства и Права

Банки Китая: стратегия развития

Материалы заседания 3 февраля 2024 года

Под общей редакцией
академика РАН
Г.А. Госуняна

Москва
2024

УДК 336.711(510)(063)
ББК 65.262.100(5Кит)я431
С83

Банки Китая: стратегия развития : материалы заседания 3 февраля 2024 года / Научно-консультативный совет по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества Отделения общественных наук Российской академии наук ; Ассоциация российских банков ; Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права ; [под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна]. – М. : ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 90 с. – ISBN 978-5-6052881-1-4

Сборник посвящен развитию банковской системы Китая. Она по-своему уникальна и имеет ряд отличительных особенностей, в частности, высокий уровень государственной монополии, сильное партийное влияние.

Участники обсуждения рассматривают структуру банковского сектора КНР, анализируют положительные тенденции и основные проблемы его развития.

УДК 336.711(510)(063)
ББК 65.262.100(5Кит)я431

Охраняется в соответствии с международным правом и российским законодательством об авторском праве.

ISBN 978-5-6052881-1-4

© Тосунян Г.А., составление, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Состав Научно-консультативного совета по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества (НКС ППСЭПО) ООН РАН	4
Справка	10
ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	
акад. ТОСУНЯН Г.А.	13
Доклад проф., д. и. н. МАСЛОВ А.А.	17
проф. МЕДВЕДЕВ П.А. – проф. МАСЛОВ А.А.	51
проф. ТЕДЕЕВ А.А. – проф. МАСЛОВ А.А.	54
к. э. н. ЛОБАНОВ А.А. – проф. МАСЛОВ А.А.	59
акад. ПОЛТЕРОВИЧ В.М. – проф. МАСЛОВ А.А.	63
к. э. н. МАРДАНОВ Р.Х. – проф. МАСЛОВ А.А.	66
ЗАКАРЯН Г.Т. – проф. МАСЛОВ А.А.	68
проф., д. и. н. МАСЛОВ А.А.	69
проф. МАСЛОВ А.А. – акад. ТОСУНЯН Г.А.	73
акад. ГУСЕЙНОВ А.А.	79
ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	
акад. ТОСУНЯН Г.А.	82
Список литературы, опубликованной по итогам заседаний НКС ООН РАН, открытых дискуссий Президента АРБ и НИИ ДДиП	85

**СОСТАВ НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНОГО СОВЕТА
ПО ПРАВОВЫМ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ И СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПРОБЛЕМАМ ОБЩЕСТВА
(НКС ППСЭПО) ООН РАН**

СОПРЕДСЕДАТЕЛИ:

ГУСЕЙНОВ
АБДУСАЛАМ
АБДУЛКЕРИМОВИЧ

академик, д. филос. н., научный руко-
водитель Института философии РАН

КОКОШИН
АНДРЕЙ
АФАНАСЬЕВИЧ

академик, д. и. н., директор Центра
перспективных исследований националь-
ной безопасности России Экспертного
института НИУ ВШЭ

ТОСУНЯН
ГАРЕГИН
АШОТОВИЧ

академик, д. ю. н., президент Ассо-
циации российских банков

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

РЕДЬКО
НИКОЛАЙ
ВИТАЛЬЕВИЧ

к. э. н., эксперт Национального иссле-
довательского института Доверия,
Достоинства и Права

ЧЛЕНЫ НАУЧНОГО СОВЕТА:

АВЕТИСЯН
АРУТЮН
ИШХАНОВИЧ

академик, д. ф.-м. н., директор Инсти-
тута системного программирования
им. В.П. Иванникова РАН

АГАНБЕГЯН
АБЕЛ
ГЕЗЕВИЧ

академик, д. э. н., профессор

АПОЛИХИН
ОЛЕГ
ИВАНОВИЧ

чл.-корр., д. м. н., директор НИИ урологии и интервенционной радиологии им. Н.А. Лопаткина (филиал ФГБУ «НМИЦ радиологии» Минздрава России)

АУЗАН
АЛЕКСАНДР
АЛЕКСАНДРОВИЧ

д. э. н., декан экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

БАТУРИН
ЮРИЙ
МИХАЙЛОВИЧ

чл.-корр., д. ю. н., главный научный сотрудник отдела методологических и междисциплинарных проблем развития науки Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

БУЗНИК
ВЯЧЕСЛАВ
МИХАЙЛОВИЧ

академик, д. х. н., заместитель академика-секретаря ОХНМ РАН, начальник лаборатории Всероссийского НИИ авиационных материалов

ГОРШКОВ
МИХАИЛ
КОНСТАНТИНОВИЧ

академик, д. филос. н., директор Института социологии ФНИСЦ РАН

ГРАЧЕВА
ЕЛЕНА
ЮРЬЕВНА

д. ю. н., профессор, первый проректор ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина» (МГЮА)

ГРИНБЕРГ
РУСЛАН
СЕМЕНОВИЧ

чл.-корр., д. э. н., научный руководитель Института экономики РАН

ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН
АНТОН
ВИКТОРОВИЧ

к. э. н., сопредседатель Общероссийской общественной организации «Деловая Россия»

ЕРМАКОВА
ЖАННА
АНАТОЛЬЕВНА

чл.-корр., д. э. н., профессор, заведующий кафедрой банковского дела и страхования ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»

ЖУРАВЛЕВ
АНАТОЛИЙ
ЛАКТИОНОВИЧ

академик, д. п. н., научный руководитель Института психологии РАН

ИВАНОВ
ВИЛЕН
НИКОЛАЕВИЧ

чл.-корр., д. филос. н., главный научный сотрудник Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН

ИЛЬИН
ВЛАДИМИР
АЛЕКСАНДРОВИЧ

чл.-корр., д. э. н., профессор, научный руководитель Вологодского научного центра РАН

КАСАВИН
ИЛЬЯ
ТЕОДОРОВИЧ

чл.-корр., д. филос. н., руководитель сектора социальной эпистемологии Института философии РАН

КЛЕПАЧ
АНДРЕЙ
НИКОЛАЕВИЧ

к. э. н., главный экономист ВЭБ.РФ

ЛЕКТОРСКИЙ
ВЛАДИСЛАВ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

академик, д. филос. н., главный научный сотрудник Института философии РАН

МЕДВЕДЕВ
ПАВЕЛ
АЛЕКСЕЕВИЧ

д. э. н., профессор

МИРКИН
ЯКОВ
МОИСЕЕВИЧ

д. э. н., профессор

НЕСТИК
ТИМОФЕЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

д. п. н., профессор РАН, зав. лабораторией социальной и экономической психологии Института психологии РАН

НИГМАТУЛИН
РОБЕРТ
ИСКАНДРОВИЧ

академик, д. ф.-м. н., научный руководитель Института океанологии им. П.П. Ширшова РАН

ПЕТРЕНКО
ВИКТОР
ФЕДОРОВИЧ

чл.-корр., д. п. н., заведующий лабораторией психологии общения факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова

ПОГОСЯН
ГЕВОРК
АРАМОВИЧ

академик Национальной академии наук Армении (НАН РА), иностранный член РАН, д. социол. н., научный руководитель Института философии, социологии и права НАН РА

САВЕНКОВ
АЛЕКСАНДР
НИКОЛАЕВИЧ

чл.-корр., д. ю. н., директор Института государства и права РАН

САННИКОВА
ЛАРИСА
ВЛАДИМИРОВНА

д. ю. н., профессор РАН, руководитель Центра правовых исследований цифровых технологий Государственного академического университета гуманитарных наук

САРКИСЯН
ТИГРАН
СУРЕНОВИЧ

к. э. н., заместитель председателя правления Евразийского банка развития

СМИРНОВ
АНДРЕЙ
ВАДИМОВИЧ

академик, д. филос. н., директор Института философии РАН

СОЛОДКОВ
ВАСИЛИЙ
МИХАЙЛОВИЧ

к. э. н., директор Банковского института НИУ ВШЭ

ТЕДЕЕВ
АСТАМУР
АНАТОЛЬЕВИЧ

д. ю. н., профессор кафедры государственного аудита Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ им. М.В. Ломоносова

ТИХОМИРОВ
ЮРИЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

д. ю. н., заместитель заведующего Центра публично-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве России

ТОРШИН
АЛЕКСАНДР
ПОРФИРЬЕВИЧ

к. ю. н., действительный государственный советник РФ I класса

ТОЩЕНКО
ЖАН
ТЕРЕНТЬЕВИЧ

чл.-корр., д. филос. н., профессор, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

УГРЮМОВ
МИХАИЛ
ВЕНИАМИНОВИЧ

академик, д. б. н., заведующий лабораторией нервных и нейроэндокринных регуляций Института биологического развития им. Н.К. Кольцова РАН

УШАКОВ
ДМИТРИЙ
ВИКТОРОВИЧ

академик, д. п. н., директор Института психологии РАН

ХАБРИЕВА
ТАЛИЯ
ЯРУЛЛОВНА

академик, д. ю. н., директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве России

ЧЕРЕШНЕВ
ВАЛЕРИЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

академик, д. м. н., научный руководитель Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН

ЧЕРНЫШ
МИХАИЛ
ФЕДОРОВИЧ

чл.-корр., д. социол. н., директор Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

**ЧЕХОНИН
ВЛАДИМИР
ПАВЛОВИЧ**

академик, д. м. н., вице-президент РАН, заведующий кафедрой медицинских нанотехнологий медико-биологического факультета Российского государственного медицинского университета им. Н.И. Пирогова

**ШАБУНОВА
АЛЕКСАНДРА
АНАТОЛЬЕВНА**

д. э. н., директор Вологодского научного центра РАН

**ЭКМАЛЯН
АШОТ
МАМИКОНОВИЧ**

д. филос. н., профессор

**ЮРЕВИЧ
АНДРЕЙ
ВЛАДИСЛАВОВИЧ**

чл.-корр., д. п. н., заместитель директора по научной работе Института психологии РАН

СПРАВКА

- о НКС ООН РАН (Научно-консультативном совете по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества Отделения общественных наук),
- о НИИ ДДиП (Национальном исследовательском институте Доверия, Достоинства и Права),
- о «Рабочем завтраке у Тосуняна»,
- о проекте «Открытые дискуссии президента АРБ» и об этом издании

1. НКС ООН РАН был создан в 2012 году как Совет по правовым, экономическим, социально-политическим и психологическим аспектам финансово-кредитной системы.

Заседания Совета проводились в Отделении общественных наук РАН два раза в год.

В феврале 2020 года члены НКС приняли решение расширить компетенцию Совета, перейдя от рассмотрения вопросов развития финансового рынка к более широкому кругу проблем развития общества, поставив во главу угла своих исследований и дискуссий вопросы: «В каком обществе мы живем? Какое общество мы хотели бы оставить своим потомкам в наследство?»

И в сентябре 2021 года постановлением Президиума РАН Совет был преобразован в Научно-консультативный совет по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества ООН РАН.

Сопредседателями Совета стали академики РАН А.А. Гусейнов, А.А. Кокошин и Г.А. Тосунян.

2. С середины 90-х годов по субботам раз в две-три недели в Ассоциации российских банков проходят «Рабочие завтраки у Тосуняна», в которых принимали и принимают участие банкиры, представители ЦБ, Госдумы, Совета Федерации, различных ведомств, академической науки, вузов, эксперты по финансово-банковскому профилю.

Каждый «Рабочий завтрак у Тосуняна» (далее – «Рабочий завтрак») проходит по заранее согласованной повестке дня и с заявленными докладчиками.

На них до недавнего времени обсуждались преимущественно проблемы экономики, финансовой сферы, нормативно-правовые акты, регулирующие эту сферу. Но в ряде случаев и другие вопросы развития общества.

В последние годы спектр вопросов, рассматриваемых на «Рабочих завтраках», и круг экспертов заметно расширились.

Этому во многом способствовало участие в них известных ученых.

Характерной особенностью «Рабочих завтраков» было и остается то, что они проходят с завидной регулярностью по субботам в 9.00 утра и зимой, и летом, и даже 31 декабря. Их продолжительность примерно 3–4 часа.

3. В конце 2019 года был учрежден Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права (НИИ ДДиП).

Это частный институт, целью которого, если вкратце, является многогранное изучение вопросов человеческой жизнедеятельности и общественных процессов, которые наибольшим образом влияют на развитие доверия в обществе, повышение ответственности и чувства собственного достоинства у граждан страны и на формирование уважения друг к другу.

Институт приступил к работе в начале 2020 года в формате научных заседаний с коллегами, интересующимися проблемами доверия и достоинства, их правового обеспечения и стимулирования.

Иначе говоря, институт пригласил на общественных началах работать на его площадке всех, кто желает внести свою лепту в изменение траектории движения общества «войны всех против всех» в сторону общества «доверия, достоинства и уважения друг к другу»!

4. В конце марта 2020 года был объявлен локдаун.

Встал вопрос: заморозить на какое-то время работу НКС ООН, НИИ ДДиП, АРБ и «Рабочие завтраки у Тосуняна»?

Или искать какое-то другое решение?

Тогда же возникла идея, что заседания НКС ООН, НИИ ДДиП и «Рабочие завтраки» можно объединить, используя онлайн-формат.

Проанализировав практику последних лет, мы с коллегами пришли к выводу, что довольно часто и на заседаниях НКС, и на «Рабочих завтраках», и на заседаниях Института мы поднимаем и обсуждаем схожие вопросы.

Было принято решение начать проводить совместные заседания.

За прошедшее с апреля 2020 года время было проведено 112 «Рабочих завтраков у Тосуняна», большинство из которых прошло в очно-заочной форме.

Примерно 20 человек лично присутствовали на завтраках, а остальные, от 50 до 100 и более участников, принимали участие в режиме Zoom, видя, слыша «живых» участников и докладчиков, также присоединялись к дискуссии.

В последующем по видеозаписи каждое заседание стенографировалось с тем, чтобы можно было издать материалы этих дискуссий.

В настоящее время накопился огромный объем материалов для публикаций, и мы начали их издание в виде представленных вашему вниманию сборников.

5. С 2013 года Ассоциация российских банков ведет проект «Открытые дискуссии президента АРБ».

Проект направлен на обсуждение широкого круга экономических, правовых, философских, социально-психологических и других актуальных проблем развития нашего общества и на развитие культуры дискуссии в целом. Спикерами «Открытых дискуссий президента АРБ» (далее – «Открытые дискуссии») выступают известные ученые, общественные деятели и представители бизнеса.

Вузами-партнерами проекта являются более 90 российских вузов, расположенных на территории всей России – от Владивостока до Калининграда.

Как правило, в каждой «Открытой дискуссии» дистанционно участвуют от 40 до 90 вузов. Численность интернет-аудитории в среднем составляет около 2 тыс. человек.

Последние два года «Открытые дискуссии» проводятся ежемесячно.

За 10 лет состоялось 83 дискуссии.

С информацией о прошедших дискуссиях, презентационными материалами спикеров и видеозаписями можно ознакомиться на сайте arb.ru в разделе «Открытые дискуссии».

Г.А. ТОСУНЯН, академик РАН,
президент Ассоциации российских банков

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

ГОСУНЯН Г.А.
акад. РАН

Вопрос, который мы рассматриваем сегодня, посвящен китайскому банковскому сектору.

Напомню, мы обсуждали Китай на «Рабочем завтраке» в ноябре 2022 года.

Алексей Александрович Маслов был одним из содокладчиков на этом заседании.

У нас запланировано, но пока откладывается заседание по коррупции в Китае.

В Китае специфическая форма борьбы с коррупцией. Со своими национальными особенностями.

Китай нам интересен по многим направлениям.

Но для нашей аудитории тема банковского сектора представляет особый интерес.

В Китае наблюдается бурное развитие экономики.

И в значительной степени это происходит благодаря развитию банковской сферы.

Поэтому китайские банки интересны нам и в этом смысле.

И с точки зрения взаимодействия с Россией.

Особенно сейчас.

В тех специфических условиях, в которых мы оказались.

Банковский сектор Китая является сегодня крупнейшим в мире по активам.

Четыре из крупнейших банков мира находятся в Китае.

Иная картина была 50–60 лет назад.

В топе были американские, европейские, японские банки.

Никто серьезного интереса к китайской банковской системе не проявлял.

Сегодня ситуация совершенно другая.

Банковское кредитование в Китае достигло нового рекорда.

В 2023 году выдано кредитов почти на 23 трлн юаней.

Это 3,2 трлн долларов США.

И это на 6,8% больше, чем годом ранее.

Динамика, в сравнении с нашей, не столь впечатляющая.

Но масштабы другие...

Российские банки в 2023 году только потребкредитов выдали на 57% больше, чем в 2022 году.

Но это 16 трлн рублей.

Или 0,2 трлн долларов США.

В Китае – в 16 раз больше.

Правда, наша высокая динамика в 2023 году была связана с сильным падением 2022 года.

Рост кредитов в Китае стимулируется властями.

В том числе и через низкую процентную ставку.

Даже в неблагоприятные пандемийные годы, которые характеризовались высокой инфляцией во всем мире.

И в Китае в том числе.

Но ключевая ставка в Китае не превышала 4%.

Да, это была глубоко продуманная государственная социально-экономическая политика, которая может серьезно влиять на экономику.

Китайцы умеют сдерживать инфляцию. Не задирая ключевую ставку. Не тормозя тем самым развитие своей экономики. И позитивные результаты налицо.

Китайские банки какое-то время назад активизировали свою работу в нашей стране.

Четыре банка с китайским капиталом: «Bank of China», «ICBC», «China Construction Bank» и «Agricultural Bank of China» – работают у нас.

И работают довольно успешно.

За последние два года эти банки увеличили совокупные вложения в российский банковский сектор в 4 раза.

С 2 млрд до почти 9 с лишним млрд долларов США.

Такой результат во многом является следствием перехода России к большему использованию юаня.

Вместо доллара и евро.

Так называемая программа дедолларизации экономики.

Однако я хотел бы отметить, что заменять долларизацию на юанизацию вряд ли дальновидный и лучший способ решения проблем нашей экономики.

Дедолларизацию можно понимать по-разному.

Можно, конечно, переходить от одной иностранной валюты к другой.

Но это не повышает статус и доверие к собственной национальной валюте.

А надо бы в первую очередь решать задачу укрепления рубля, а не юаня!

Китайские банки сегодня выступают поставщиками юаневой ликвидности на наш рынок.

До 2022 года порядка 80% платежей за экспорт осуществлялись в долларах.

А юани составляли всего 1%.

Сегодня доля платежей в так называемых «недружественных» валютах снизилась примерно до 50%.

А доля юаня превышает уже 16%.

В конце 2023 года произошли изменения.

Вследствие очередных западных санкций в отношении нашей страны.

Многие китайские банки вынуждены под угрозой вторичных санкций отказаться от проведения платежей с Россией в долларах.

Ну, в долларах, ради Бога, пускай отказываются.

С другой стороны, Китай заинтересован в использовании своей валюты в международных расчетах.

Но и мы заинтересованы, чтобы наши расчеты шли в рублях.

А не в очередной иностранной валюте, которая послезавтра тоже может стать «не очень дружественной» (если говорить в этих сомнительных терминах).

Расчеты с Россией играют важную роль в усилиях Китая по продвижению юаня как глобальной альтернативы доллару.

То есть они свою макрополитику в этом смысле продвигают.

И продвигают достаточно успешно.

В 2010 году доля юаней в обороте мирового валютного рынка составляла всего 0,9%.

А уже в 2022 году перешагнула отметку в 7%.

Такой гигантский рывок за 10–12 лет.

Более чем в 7 раз!

Почему для нас важна сегодняшняя тема?

В первую очередь с точки зрения развития экономики и финансовой системы.

Очень любопытны их результаты и достижения.

Особенно в сложившихся геополитических условиях.

Поэтому тема обозначена так: «Стратегия развития банковской системы Китая».

С удовольствием передаю слово профессору Маслову Алексею Александровичу, директору Института стран Азии и Африки МГУ имени Ломоносова.

Прошу Вас, Алексей Александрович.

ДОКЛАД 1

МАСЛОВ А.А.

д. и. н., профессор, директор Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ БАНКОВСКОГО СЕКТОРА КИТАЯ

Спасибо большое, уважаемые коллеги.

Я расскажу немного о стратегии банковского сектора.

Сначала напомним, как вообще развивался банковский сектор Китая.

Но предварю это несколькими замечаниями.

Говоря о Китае, надо учитывать несколько очень важных моментов. Они связаны в том числе и с банковским сектором.

В основе всей экономики Китая лежит глубочайший торговый меркантилизм.

Это справедливо и для древности, и для сегодняшнего дня. Причем это здоровый меркантилизм.

Он во многом базируется на довольно странной вещи, которая напрямую не связана с экономикой и не связана с политикой.

Этот меркантилизм базируется на исторической связи с китайской духовной практикой и идеологией.

И это отражается в конечном счете на характерных торгово-экономических коммуникациях между людьми и компаниями.

Главный фактор здесь – представление об особом духовном пространстве.

В Китае никогда не было представления о едином Боге, о том, кто вообще руководит делами людей.

Понятие «Божий промысел» технически переводимо на китайский язык.

Но ваш китайский собеседник без специальной подготовки не сможет поддержать разговор с вами на эту тему.

Он просто не поймет, о чем идет речь.

Китаем руководят исторически сложившиеся нормы и формы практик, которые обобщенно, хотя и не совсем точно принято называть конфуцианством.

Поэтому многие поступки и интенции базируются на абсолютном прагматизме и стремлении к получению очевидного результата.

Это ни в коем случае не отрицает наличия жестких морально-этических категорий.

Таких как «долг», «честность», «искренность», «преданность».

Но все они так или иначе заточены на практицизм и результативность любого действия, а не на соответствие некоему «божественному стандарту».

В рамках этого прагматизма, переплетенного с тонкостями межличностной коммуникации, формировалась нация.

Выстраивались отношения между торговыми партнерами, между людьми – от низового уровня до высшего руководителя.

Все, что выгодно, Китай будет имплементировать.

От всего, что невыгодно, Китай будет всегда отказываться.

Призывы к морально-этической стороне вопроса, конечно, всегда присутствовали.

Более того, «норма» деловых отношений в Китае очень четко прописана.

Но она связана не с личной рефлексией морального идеала внутри человека, а с «допустимым» и «правильным» в практике отношений, сложившейся веками.

Более того, ряд правил распространяется только внутри самого китайского общества и не затрагивает иностранцев.

В том числе и тех, кто работает на китайском рынке.

То есть основная проблема входа на китайский рынок заключена не в его кажущейся сложности или непрозрачности.

А в том, что нормативы поведения иностранцев мало соотносятся с китайскими, и наоборот.

На преодоление этого барьера межкультурной коммуникации уходит большая часть времени.

Кстати, частично из-за этого многие области бизнеса закрыты для иностранцев – некоторые, казалось бы, по непонятным причинам.

Так, например, иностранцам запрещено участвовать в разработках всего, что связано с ГМО, хотя внутри Китая таких разработок множество.

Развиваются и различные эксперименты на уровне ДНК.

То есть делается все, что можно потом капитализировать.

И этот прагматизм – главный драйвер развития Китая.

Это первое, что надо учитывать при оценке характера развития современного Китая.

Второй фактор – чудовищная скорость трансформации китайского общества и китайского рынка.

Это видно даже по сравнению с тем, о чем мы говорили в 2022 году.

Трансформации общества, взаимоотношений, характера поведения среднего класса населения, политической элиты идут по нарастающей.

Трансформации пошли значительно быстрее, чем предполагали внешние наблюдатели.

И совсем не в ту сторону, в которую ожидали экономисты, незнакомые с политической культурой Китая.

Развитие рынка и товарно-денежных отношений привело не к его либерализации, а к усилению мер контроля, нарастанию политического нарратива взамен на экономические стимулы.

Причем все эти процессы идут быстрее, чем кто бы то ни было ожидал, – пожалуй, кроме китаеведов, которые понимают логику развития китайского общества.

Сейчас из Китая постоянно приходят сведения о том, что:

– где-то дестабилизируется экономика – это касается отдельных секторов или провинций;

– где-то «закручиваются гайки», устанавливается более жесткий административный контроль над предприятиями.

Но это не сама суть явления, это последствия очень серьезной трансформации.

И эта трансформация идет не в банковском секторе. Банковский сектор скорее реципиент этих трансформаций.

Эта трансформация идет в самом китайском обществе.

И надо учитывать несколько моментов этих трансформаций.

Не вдаваясь в массу деталей – увы, для понимания характера развития Китая без деталей сложно обойтись, – мы посмотрим лишь на общие тенденции.

Во-первых, китайское общество потеряло привычный драйв к развитию.

Это очень неожиданный для многих момент, причем это видно не только по цифрам, но ощущается и на бытовом уровне.

Еще год или 10 лет назад на переговорах любой китайский предприниматель предлагал десятки разных схем: что сделать, продать, купить, создать.

Сейчас это практически отсутствует, и в глазах читается грусть.

Это наблюдается, например, на уровне ритейла, который в Китае стремительно упал (см. Рис. 1).

Ритейл всегда был в Китае двигателем рынка и показателем его тенденции к росту.

Но сейчас он не только не растет стабильно, но лишь колеблется вокруг нулевой отметки.

Рис. 1

Падение ритейла наблюдалось с 2020 года, что объяснимо и связано с COVID.

Я напомню, что Китай вошел в COVID в январе 2020 года, а в апреле 2020 года Китай официально объявил, что победил COVID, хотя страна была частично закрыта до начала 2021 года.

И в 2021 году сразу был резкий рост ритейла: магазины наполнились людьми, произошел отскок рынка.

Тогда многие эксперты даже в самом Китае объявили, что и в дальнейшем страна будет расти до 8% ВВП в год.

Хотя были и более реалистичные оценки в 5–6% роста.

Но оказалось, что это именно отскок – временное явление.

В 2022 году началось резкое торможение роста экономики на фоне колоссального роста 2021 года.

И тогда как мера стимулирования оживились банки, в результате чего было выдано очень большое количество кредитов, чтобы «разогреть» рынок.

Этот отскок 2021 года породил в конечном счете крах рынка недвижимости.

В 2021 году очень многие люди набрали кредитов в банках, в частности, ипотечных кредитов.

И на этой волне был создан целый ряд ипотечных подразделений в банках.

Даже в небольших региональных банках, где этого раньше не было.

Были сформированы десятки новых кредитных продуктов для малого и среднего бизнеса, потребительские кредиты.

То есть банковский сектор в этот момент заработал в полном темпе.

Казалось, все это будет расти до бесконечности или как минимум в течение нескольких лет.

Но в силу вступил целый ряд факторов, которые во многом изменили картину.

Например, на общую ситуацию в экономике Китая серьезно повлиял фактор давления со стороны США.

И китайская экономика, где ВВП на 30% формируется от экспорта, начала резко тормозиться.

Так как США методично блокировали для ряда компаний (в частности, «Huawei», «ZTE» и других) возможность продаж на американском рынке, который является важнейшим для Китая.

Особенно сократился экспорт высокотехнологичной продукции в США и ЕС.

Во-вторых, в Китае резко упали венчурные инвестиции.

Китай развивал многие инновационные проекты и стартапы за счет венчурных инвестиций.

Венчурный инвестор в Китае, прежде всего иностранный, – это весьма значимый человек, который живет в рамках ряда стимулов.

В Китае, по данным на 2023 год, официально около 400 единорогов.

Только в 2022 году в Китае появилось 72 единорога, но в 2023 году их рост сократился, равно как упали венчурные инвестиции в стартапы.

Потому что упал драйв к развитию рынка внутри Китая.

Как следствие, с китайского венчурного рынка ушли многие инвестиционные компании.

В основном это компании не китайского происхождения, в том числе американские, катарские, японские и многие другие.

Разумеется, это тоже повлияло на общую ситуацию.

Третий важный момент – он, как ни странно, психологический.

И это тоже влияет на развитие банковского сектора.

Китайские граждане постепенно в течение последних лет увеличивали средства на депозитах в банках, при этом весьма вяло пользуясь новыми кредитными продуктами.

Китайцы всегда накапливали депозиты для дальнейшего забрасывания на рынок, то есть это была промежуточная стадия для «большой покупки» в дальнейшем.

Целевые депозиты в Китае были очень важным инструментом для стимулирования потребительского рынка.

Сейчас китайцы просто хранят деньги на депозитах и боятся выбрасывать их на рынок.

В голове есть постоянная мысль: а вдруг завтра очередной COVID, и опять будут проблемы с финансированием развития МСП?

У многих микро- и малых предприятий просто нет финансовой подушки, поэтому деньги стали беречь.

И этот психологический фактор очень серьезно влияет на банковское кредитование.

Вот всего лишь один пример.

Недавно я присутствовал в Китае на банковской конференции, где были одни только китайские представители.

И обсуждение шло относительно откровенное.

В очередной раз они возвращались к проблеме процентных ставок, обсуждая вопрос о том, чтобы обратиться к регулятору насчет возможности введения отрицательных процентов по депозитам.

Представители ряда китайских банков утверждали, что ситуация весьма сложная и надо использовать японскую схему отрицательного процента по депозитам, чтобы деньги шли на рынок.

Впрочем, я уверен, что такую схему не введут скорее по социальным причинам, чтобы не нервировать население, а не по экономическим.

Но здесь важен сам факт наличия таких настроений. Давайте посмотрим и на бытовой уровень.

Еще пару лет назад любой китайский магазин был наполнен посетителями.

Сегодня же во многих магазинах продавцов больше, чем клиентов.

Мы видим абсолютно пустые магазины даже в крупных городах: Пекине, Шанхае, Тяньцзине, Гуанчжоу, – хотя они продолжают работать.

В небольших городах многие торговые точки, как крупные, так и мелкие, разоряются.

К тому же общей тенденцией является то, что торговля уходит в онлайн.

Или люди просто начинают покупать меньше.

При этом Китай является крупнейшим рынком электронной коммерции в мире.

Считайте, что на него приходится почти 50% мировых транзакций, а розничные онлайн-транзакции в Китае охватывают около 800 млн цифровых покупателей.

Еще в 2021 году Китай стал крупнейшим рынком электронной коммерции с доходом в 1,5 трлн долларов, опередив США.

Но даже развитие электронной коммерции не спасает от падения ритейла в целом.

Есть еще один фактор, о котором имеет смысл поговорить честно для реалистичной оценки ситуации.

Очень серьезно на развитие Китая повлияла ситуация вокруг Украины.

И для Китая это очень тонкий вопрос.

Я сформулирую максимально спокойно эту ситуацию.

Вся китайская модель развития в последние годы была нацелена на технологическое перевооружение, на переход с модели крупного, но дешевого товарного производства на производство качественных высоких технологий.

В рамках этого была создана целая инфраструктура: компании, фонды и специальные банки, – которые в свою очередь создали финансовые инструменты, чтобы стимулировать этот процесс.

Китайская продукция высоких технологий должна была идти прежде всего на западные рынки.

Под это в течение последних 10–12 лет создавались специальные прорывные корпорации.

Из известных можно назвать «Huawei», «Lenovo», «Tencent», некоторые подразделения «Alibaba», «DJI» и многие другие.

Например «BYD» – корпорация, которая начала с производства лицензированных копий западных автомобилей, а стала одной из ведущих технологических машиностроительных корпораций.

«Meituan» – компания, которая работала приблизительно как наша «Яндекс-доставка», занимаясь доставкой продуктов питания, а сегодня это крупный технологичный стартап.

«Tencent» создала одну из крупнейших бизнес-экосистем со своими офисными продуктами, облачными хранилищами и так далее.

Эти компании в конечном счете должны выводить часть своих продуктов и услуг за рубеж в виде готовой продукции, патентов и пакетных решений.

И власти финансируют эти стартапы, которые постепенно превращаются в зрелые передовые активы.

И конечно же, они уже давным-давно не стартапы, а стали крупными корпорациями, рассчитывающими на международные рынки.

Но, когда западные рынки оказались перекрыты для китайских поставок, эта модель дала сбой.

Несмотря на большую емкость, внутренний рынок Китая все равно ограничен.

К тому же под такие технологические прорывы были набраны большие кредиты.

На Китай начали системно давить, не допуская его технологические решения на рынки США, ЕС, Австралии и многих других стран.

А ведь именно за счет вывода китайских бизнес-решений в эти регионы и должно было меняться содержание экспортной модели.

И это самый большой вопрос для китайских властей: внешний рынок перестал быть дружелюбным, внутренний рынок испытывает стрессы.

И повсеместно наблюдается закредитованность:

- малых банков перед большими,
- региональных правительств перед центральным правительством,
- частных предпринимателей перед банками.

И эта некогда очень устойчивая модель успешного кредитования перспективного экспортоориентированного бизнеса дает сбой.

Государство несет слишком много обязательств.

Не только по поддержанию технологического бизнеса, но и по стимулированию инфраструктурных проектов, поддержанию МСП, социальным гарантиям.

Все эти обязательства были сделаны из расчета еще «доковидного» роста Китая.

Сейчас же ситуация заметно изменилась.

По прогнозам, в период с 2024 по 2029 год государственный долг Китая будет постоянно расти, в общей сложности на 10,3 трлн долларов (+63,42%).

В 2023 году он уже составил около 14,4 трлн долларов.

Примечательно, что в последние годы государственный долг постоянно увеличивался.

На самом деле это лишь одна из проблем, и в отдельности она не является критической.

Но вместе с другими проблемами она может породить «эффект домино», в том числе и нарастающие задолженности разных ведомств и предприятий друг перед другом.

И пока никакого эффективного «противоядия» Китаю не нашел.

Но есть и весьма примечательные моменты.

За последние десятилетия реакция китайского руководства на проблемы в экономике обычно была чисто экономической.

Тормозится рост бизнеса?

Надо вводить стимулы – создавать СЭЗы, регулировать налоги, выделять стимулирующие кредиты, вводить преференциальные режимы, уменьшать банковскую ставку и так далее.

То есть раскатать рынок, забросить в него большой объем ликвидности, увеличить массу М1, увеличить М2 за счет высоколиквидных сбережений, стимулировать М3 за счет крупных вкладов.

Чтобы люди поддержали экономику за счет использования различных банковских инструментов, а не держали деньги на депозитах.

И чтобы промышленность подтягивалась за растущей денежной массой.

И обычно это всегда помогало.

Впервые за последние два года это не помогло из-за факторов, о которых я говорил выше.

Потоки продукции должны были идти на Запад, но обрушилась инфраструктура – из-за украинских событий и из-за событий на Ближнем Востоке.

Инфраструктурные проекты не дают быстрой отдачи, многие из них рассчитаны на десятилетия.

Китай неожиданно оказался в очень сложной ситуации.

Украина и Ближний Восток, а также тайваньский вопрос совокупно сформировали очень серьезный удар по товарно-денежным потокам китайской экономики.

Почему Китай так волнует тайваньский вопрос помимо собственно исторической предыстории этой проблемы?

Не по причинам развертывания военных действий как таковых.

Это будет, по сути дела, еще один удар по китайской экономике.

Он, очевидно, может привести если не к обрушению, то к понижению курса юаня, к росту доллара, к потере доверия к китайской экономике.

Китай сегодня находится перед лицом целого ряда вызовов, равно как и вся его банковская система.

Таких вызовов внезапно оказалось очень много.

И это влечет за собой еще один вызов – не экономический, а социальный.

И это уже, конечно, вызов китайскому руководству.

В 2013 году Си Цзиньпин приходит к власти.

Он приходит на волне вполне устойчивых и позитивных отношений с США, роста двусторонней торговли, стремления сотен американских компаний войти на китайский рынок.

Строго говоря, на китайском рынке и сегодня присутствуют более 10 тысяч крупных американских компаний.

Активно работает Американская торгово-промышленная палата (The American Chamber of Commerce, AmCham).

На тот момент казалось, что Китай вот-вот должен решить тайваньскую проблему.

Китай дружит со всеми, развивается инициатива «Пояс и путь» – китайский инфраструктурный проект.

Так было 10 лет назад.

И китайское население выросло до 1 млрд 400 млн человек, из них около 420 млн человек составляют средний класс.

Из всей численности – 900 млн потенциальных потребителей.

В отличие от Индии, где всего лишь 400 млн потребителей, хотя ее население равноценно с Китаем.

То есть это гигантский потребительский рынок.

И вдруг этот гигантский рынок начинает на бытовом уровне терять доходность.

А люди привыкли к росту рынка, у них идет рост личных доходов, да и рост доходов малого и среднего бизнеса наблюдается постоянно в течение 40 лет.

И внезапно этот «велосипед» потребительской экономики тормозит и начинает падать.

Как следствие, начинается постоянная критика изнутри.

Она была и раньше.

Но прежде эта критика канализировалась на уровне обсуждения эффективности региональных властей, а не всей системы в целом.

«Плохими» оказывались отдельные работодатели, очень редко – уездные власти и никогда – система в целом.

Мне лично приходилось неоднократно видеть в Китае демонстрации.

Улицы перекрывали какие-то группы людей.

Они, например, выступали иногда против политики местных банков, иногда – против директоров предприятий.

Но никогда – против структуры власти.

В начале 2023 года впервые произошли выступления против самих властей.

Прозвучала фамилия Си Цзиньпина.

Это серьезное изменение.

Ведь обыватель не может понять, почему и когда все начиналось.

Долгие годы все было нормально, а сейчас внезапно стало плохо.

Неужели именно в такой «расшатанной» ситуации находится Китай?

Или это всего лишь временный сбой в поступательном развитии Китая?

Думаю, что ситуация во многом зависит от внешней конъюнктуры, а не только от политических или экономических решений китайских властей.

Почему я предварил рассказ о стратегии банковского сектора рассказом о трансформации внутренней ситуации в китайской экономике?

Потому что Китай в 2023 году стал обращать большое внимание на регулирование банковского сектора и контроль над ним.

И это связано с теми трансформациями, о которых я рассказал.

А также с очень большим распространением теневого банкинга в Китае.

Как предполагается, 25%, а то и 40% всего ВВП страны (здесь оценки расходятся) приходится на теневой банковский сектор.

Например, некоторые теневые банки, такие как «Sichuan Trust» и «Zhongzhi», представляют собой небанковские финансовые учреждения и выступают в виде компаний по кредитным гарантиям, как хедж-фонды и компании по управлению активами, которые предоставляют некоторые ключевые услуги банков, несмотря на то, что они не являются традиционными кредиторами.

Причем компания «Zhongzhi» объявила, что она «полностью неплатежеспособна», имея обязательства на сумму около 460 млрд юаней (около 63 млрд долларов).

Об этом явлении китайские коллеги говорили на уже упомянутой конференции.

С ними кто-то не соглашается, кто-то считает цифры сильно завышенными.

Но в любом случае надо признать, что это очень большой объем.

Напомню, как формировалась китайская банковская система.

Изначально, в 80-х годах, было 5 ведущих банков, и они назывались директивными банками – тогда система была очень простой.

Банки, естественно, были государственные, и каждый банк должен был обслуживать свое направление.

Например, «Сельскохозяйственный банк», как следует из названия, должен был финансировать сельское хозяйство.

Другие банки – индустрию, коммерцию, торговлю.

Функции банков в прямом смысле были отражены в их названиях.

А «Банк Китая» («Bank of China») предназначался для следующих задач:

- валютные операции,
- заимствования на внешнем рынке,
- поддержка выхода на внешний рынок,
- привлечение иностранных капиталов.

В 80–90-е годы «Bank of China» был тем банком, где иностранные компании в массовом порядке открывали свои счета. То есть все было очень просто.

Однако система неоднократно менялась.

Как она приблизительно выглядит сегодня?

Прежде всего существует Народный банк Китая – основной регулятор.

Это то, что чаще всего не очень точно именуют Центробанком Китая.

Есть стратегические банки, которые составляют костяк банковско-финансовой системы Китая.

Есть так называемые коммерческие банки.

В Китае 12 крупнейших банков.

Это бывшие государственные банки, которые акционировались.

В Китае их принято называть коммерческими банками – это просто их устойчивое название.

Есть и международные банки, которые работают на территории Китая.

Например, «Citibank», «HSBC Bank of East Asia», «DBS Bank», «Hang Seng Bank», «Standard Chartered» и ряд других.

Они организованы по-разному.

Некоторые – как совместные предприятия, там есть китайский и международный акционерный капитал.

Есть прямые филиалы иностранных банков в Китае. Но здесь есть одна особенность.

Банковский регулятор Китая выдает обычно не одну полную лицензию, а 12 типов лицензий, которые и формируют разрешения на всю совокупность операций.

Вы можете услышать на бытовом уровне, что кто-то получает полную банковскую лицензию в Китае.

В реальности это 12 документов, и для каждого из них надо соблюдать свои условия.

И очень малое количество банков или финансовых институтов не первого уровня может получить их все.

Например, на страховую деятельность – отдельная лицензия.

На кредитование малого и среднего бизнеса – отдельная, на работу с государственными предприятиями – отдельная, для работы с наличностью – отдельная, и так далее.

И это очень сложная задача – получение всех видов лицензий.

Тем не менее число китайских банков, особенно городских и региональных банков сельского хозяйства, когда-то росло довольно быстро.

Сейчас оно перестало расти, и это тоже результат усилий китайского регулятора.

Кто этот регулятор?

Безусловно, Народный банк Китая. Но есть одно очень важное изменение, внесенное в законодательство в 2023 году.

Долгое время в Китае действовала Комиссия по регулированию банковской деятельности, она работала практически до начала этого года.

Именно эта комиссия выдавала лицензии, контролировала работу банков, хотя в последние годы она неоднократно подвергалась реформированию.

Первоначально она называлась Комиссией по регулированию банковской и страховой деятельности и занималась, соответственно, банками и страховщиками.

Несколько лет назад понятие «страховая деятельность» было изъято из положения о Комиссии.

Комиссия занималась только банками, но в марте 2023 года было принято еще одно решение.

На месте Комиссии по регулированию банковской деятельности было решено создать Комиссию по регулированию финансовой деятельности.

И именно сейчас она является основной.

Формально Комиссия была создана в период с марта по май 2023 года, и с 2024 года она приступила к работе.

Казалось бы, изменили лишь одно слово в названии: была «банковская деятельность», стала «финансовая деятельность».

Но в действительности изменился контроль над всей сферой деятельности.

Комиссия по регулированию финансовой деятельности является частью Госсовета КНР, по своему статусу это агентство при Госсовете (правительстве Китая).

В него входят министерства – министерство экономики и другие.

Помимо этого есть агентства и различные комиссии, очень обширная структура.

Но самое главное, как мне кажется, министерство по регулированию финансовой деятельности сегодня является по сути, «парткомом» над всеми банками.

Так рассуждают многие китайские специалисты.

Как регулируется банковская деятельность Китая?

Партийное регулирование банковской деятельности является ведущим и основным направлением, помимо, естественно, выпуска регулирующих документов и контроля их исполнения.

Что произошло вместе с изменением названия Комиссии?

Прежде всего распустили старых чиновников и набрали новых, с несколько иными функциями и навыками.

Руководство Комиссии по регулированию финансовой деятельности – это прежде всего партийные руководители.

Среди них есть, безусловно, опытные финансовые специалисты, но во главе стоят интересы партии.

Как они соотносятся с реальной экономикой?

Как такие люди регулируют в идеологическом смысле банковскую деятельность?

В каждом банке ключевым элементом является партком банка.

Кто помнит Советский Союз – это, по сути, аналогичная структура.

Но в данном случае партком банка играет значительно большую роль по сравнению с финансовым административным руководством банка в Китае.

Строго говоря, это касается не только банков, это касается деятельности практически любых предприятий.

И 2022–2023 годы в Китае проходили под знаком обсуждения такого вопроса: не слишком ли много свобод мы дали предприятиям, особенно крупным корпорациям, для развития экономической деятельности?

С этим и связано изменение структуры регулирования банковской деятельности.

Я напомню, что долгое время и у нас, и на Западе многие вполне опытные экономисты утверждали, что Китай не сможет развиваться, если после мощного экономического рывка не либерализует свою экономику, – иначе он просто «завалится».

Более того, было много статей и, в общем, очень неглупых рассуждений о том, что единственный выход – это максимальная либерализация китайской банковской сферы.

Чтобы создать реальную конкуренцию, отменить дотирование убыточных госпредприятий через банки, выравнивать условия получения кредитов и так далее.

И все эти рассуждения в теории выглядели очень красиво, но все же надо исходить из традиций Китая.

Традиции Китая в решении проблем всегда одни и те же.

Возникает экономическая проблема?

Она решается идеологическими средствами.

И сейчас для решения проблем торможения экономики предлагаются идеологические средства.

Конечно, с позиции внешнего наблюдателя это можно долго критиковать, обсуждать, говорить, что это не сработает.

Но в реальной жизни мы пока видим успокоение на рынке, некоторую стабилизацию.

Мы видим рост китайских акций.

Так, в 1-м квартале 2024 года рост ВВП составил 29,63 трлн юаней (4,1 трлн долларов) – это +5,3%.

Розничные продажи выросли на 4,7%.

Промышленная добавленная стоимость – на 4,5%.

Инвестиции в основной капитал – на 4,5% и так далее.

А уровень безработицы держится на отметке 5,2%.

В общем, все это выглядит очень неплохо, и китайская экономика адаптировалась.

Но ее жестко контролируют через систему «направляющих указаний».

И психология, социальный настрой играют здесь не меньшую роль, чем политика.

Это первая часть изменений, которые надо учитывать.

Вернемся к самой банковской системе (см. Рис. 2).

В Китае, как я уже говорил, несколько банков являются стратегическими и не подлежат акционированию.

Это «Банк развития Китая», «Банк развития сельского хозяйства Китая», «Экспортно-импортный банк Китая» («Exim Bank»).

Другие крупнейшие акционерные коммерческие банки контролируют около 70% банковского бизнеса Китая: «Промышленный и коммерческий банк Китая» («Industrial and Commercial Bank of China»), «Китайский строительный банк» («China Construction Bank»), «Сельскохозяйственный банк Китая» («Agricultural Bank of China»), «Банк Китая» («Bank of China»), «Китайский торговый банк» («China Merchants Bank»), «Банк связи» («Bank of Communications»).

Доля крупнейших банков КНР

Системные банки КНР

Коммерческие банки Китая

Рис. 2

Системные банки КНР – это государственные банки. Они выделяют кредиты более мелким банкам, финансируют по решению правительства национальные проекты, помогают выходу предприятий на внешний рынок.

Коммерческие банки выполняют свою роль в качестве крупнейших кредиторов китайского бизнеса, в том числе для вывода китайской экспортной продукции за рубеж.

При этом, в отличие от распространенного представления, «Банк Китая» далеко не самый большой.

Самый большой – «Банк промышленности и коммерции» («ICBC»).

Сейчас он является одним из лидеров выхода на международные рынки.

И хотя пропорции капиталов могут меняться, в целом «вес» банков практически не меняется.

Коммерческие банки, поскольку их очень много, распределяются по разным уровням.

Чаще всего мы имеем дело с первым уровнем.

Это государственные и акционерные коммерческие банки, в которых государство участвует на правах акционера.

Существуют обычные акционерные коммерческие банки разного уровня, в том числе городские, провинциальные или созданные крупными корпорациями как этап их развития.

Например, «Ping An Bank» вырос из страховой компании «Ping An», а «Tencent Bank» – из технологической компании «Tencent».

Иностранные банки – это тоже акционерные коммерческие банки.

При работе с Китаем российский бизнес прежде всего встречается с этим типом банков.

Однако живая реальная жизнь, кредитование малого и среднего бизнеса идет на несколько порядков ниже.

Это происходит прежде всего через городские коммерческие банки.

Практически все города создали свои банки под некогда городские проекты, но постепенно далеко вышли за пределы своих городов.

Например, «Банк Шэньчжэня», «Банк Гуанчжоу», «Пекинский индустриальный банк».

Они были созданы в основном в 2010-е годы, и их филиалы можно встретить по всему Китаю.

Например, «Банк Шэньчжэня» считается очень перспективным, и связано это с тем, что предприятия в Шэньчжэне ведут активную инновационную и инвестиционную деятельность.

Поэтому кредитоваться в подобном банке считается очень полезным и надежным.

Или, например, сейчас идет активное развитие острова Хайнань как особой зоны.

Хайнань долгое время был прежде всего местом для туризма.

Сейчас это специальная экономическая зона с особыми условиями, призванная в короткий срок привлечь большие инвестиции как со стороны иностранцев, так и от самих китайских предприятий.

Соответственно, сразу пошел вверх «Хайнаньский банк».

Он выдает сейчас кредиты по ставке от 2,8% до 3,5% – естественно, если вы добропорядочный заемщик или (для иностранцев) если уже давно работаете на китайском рынке.

Причем банк порой просто навязывает кредиты – лишь бы вы взяли деньги.

И это потому, что у банков тоже есть свои показатели по КРІ (ключевые показатели эффективности), связанные с количеством выданных кредитов.

Хайнань сейчас предлагает самые, наверное, уникальные условия для создания бизнеса, в том числе и оформление новых банковских продуктов.

Но это будет не до бесконечности.

Скорее всего, это будет распространяться на ближайший год.

Потом, естественно, условия нормализуются, и банк перестанет расти, но он наберет свою клиентуру и начнет активно работать в других местах Китая.

Именно так растут городские банки.

Когда-то так росли «Банк Шэньчжэня», «Банк Гуанчжоу», «Банк Фучжоу» и так далее – у каждого есть свой цикл развития.

И наконец, существуют городские и сельские кредитные кооперативы.

Кредитные кооперативы выполняют функцию банков (у них есть соответствующие лицензии), и они очень распространены в Китае.

Иностранцы с ними редко сталкиваются, хотя формально им не запрещено открывать счета в этих банках.

Почему это не запрещено?

Хотя мы говорим «иностранное предприятие», с 2022 года в реальности «иностранных» предприятий в Китае в чистом виде нет, равно как нет и «совместных» предприятий.

А есть предприятия с участием иностранного капитала, то есть акционерные предприятия.

Именно это оговорено в Законе о предприятиях от 2022 года.

В этом плане они ничем не отличаются от собственно «китайских» предприятий.

И хотя термин «совместное предприятие» (СП) используется на бытовом уровне, в юридических документах его просто нет.

Такие предприятия также приравнены к китайским предприятиям. Разницы между ними почти никакой нет.

За редким исключением работы в тех секторах, которые внесены в «ограничительный список», где запрещено участие любых иностранных инвестиций.

Соответственно, теперь «иностранцы» предприятия могут открывать свои счета в кредитных кооперативах, сельских кооперативах.

Такие кооперативы обычно выдают деньги под конкретные виды продукции или ограниченный по времени проект, например, кредит под посев чая, под сезонное развитие сельхозкультур.

Это проектное финансирование.

На самом деле в Китае есть небольшие ограничения для иностранных инвестиций:

- по получению кредитных денег;
- по участию в некоторых инвестиционных проектах.

Всего существует два таких «ограничительных списка», обычно обновляемых раз в два года (сейчас действует редакция 2023 года):

- «Национальный негативный список»;
- «Специальные административные меры по доступу к иностранным инвестициям в зонах свободной торговли» («Негативный список ЗСТ»).

В ряде случаев иностранным инвесторам для создания бизнеса необходимо иметь китайского партнера.

Учреждение предприятия со 100%-ным иностранным капиталом для работы в некоторых секторах не допускается.

Например, иностранцам нельзя выращивать, продавать, исследовать ГМО в Китае, а китайским предприятиям можно.

Нельзя, например, участвовать в разведении ряда рыб: некоторые виды рыб разрешены, а некоторые запрещены (если не ошибаюсь, форель – нельзя, а судак – можно).

На мой взгляд, далеко не все позиции можно логически объяснить.

Естественно, нельзя участвовать в некоторых проектах, связанных с военной областью, и так далее.

То есть под эти области вы, как иностранцы, не можете кредитоваться в банках, не можете открывать проектные счета в этих банках.

Сами эти списки не секретны, их можно найти на сайте министерства коммерции Китая.

Для инвесторов это главное министерство.

Оно регулирует всю промышленную и инвестиционную деятельность Китая.

Чтобы иметь возможность работать с разными секторами китайской промышленности, власти Китая и создали такую многоуровневую банковскую систему, при этом закрывая глаза даже на теневой банкинг.

Благодаря целенаправленной поддержке властей китайские банки вышли на первые места в мире:

- по объему капитализации,
- по объему кредитов.

И здесь нет ничего необычного, это и есть стандартное стимулирование китайской промышленности (см. Рис. 3).

Какие каналы получения средств существуют помимо банков?

Иногда от китайских партнеров можно услышать: «Мы финансируемся через Китайскую инвестиционную корпорацию».

И это не банк, а одна из государственных корпораций, созданная специально под большие проекты, например, «Пояс и путь» и ряд других.

Вот этот канал малодоступен для иностранных компаний.

Он создан прежде всего для поддержки китайских игроков рынка, это очень важно понимать.

Рис. 3

Таким образом, в Китае государство – это:

- главный финансист и инвестор,
- главный получатель дивидендов,
- главный, кто берет на себя все риски.

Государство выступает как инвестиционная корпорация, оно является главным инвестором во все крупные китайские проекты.

В том числе в китайскую инициативу «Пояс и путь».

Чаще всего, за редчайшим исключением, иностранные компании не могут получить инвестиции от Китайской инвестиционной корпорации.

И хотя по названию она напоминает многие мировые инвестиционные корпорации, но формировалась она несколько иначе.

Первоначально были выпущены облигации, и эти облигации проданы «Банку Китая».

Потом выкуплены, опять проданы и так далее – это долгая история.

Но самое главное – по сути, это и есть суверенный фонд Китая.

Например, когда иностранные компании участвуют в проектах китайского «Пояса и пути», то китайские партнеры финансируются через инвестиционный фонд «Пояса и пути».

Уже в рамках этого финансирования через китайских партнеров в нем могут участвовать иностранцы, создавая совместные предприятия с китайскими компаниями

Тем не менее эта инвестиционная корпорация создана исключительно для китайцев, из-за этого иностранцы кредитоваться в Китае по этой линии, по большому счету, не могут.

Обращает на себя внимание такой момент.

Одно время количество банковских учреждений в Китае росло, а сейчас оно стало уменьшаться (см. Рис. 4).

Не сильно, но все же уменьшается.

И прогноз идет тоже на уменьшение.

Когда-то банки вкладывались в выпуск различных лифлетов, в объяснения, что такое кредит, ипотека, в разъяснения, как вообще развивается малый и средний бизнес.

Но, получив большое количество клиентов, они забыли об этом.

Эффективность банковского сектора КНР

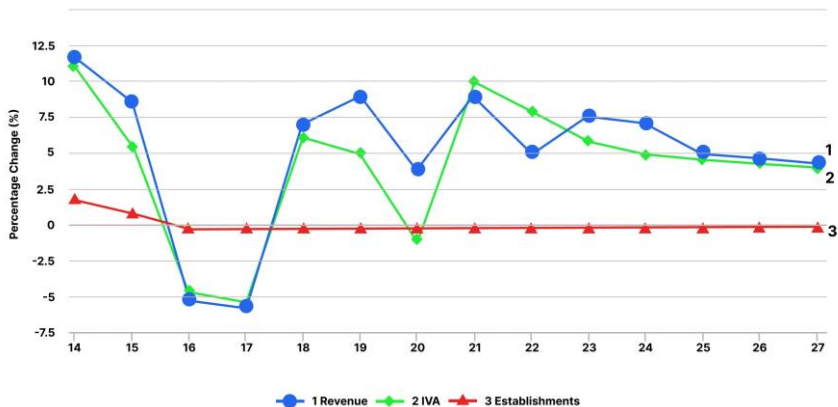

Рис. 4

Опросы показывают, что многие не понимают, что такое ипотека как таковая, и многие (и это не шутка) не понимают, что вообще деньги надо возвращать.

Долгое время получить ипотеку было очень просто, гарантии были минимальными.

А объяснить, что такое тело кредита, что такое сам кредит, оказалось не очень возможно.

Вот еще один фактор: число вкладчиков коммерческих банков начало резко возрастать в 2021 году, как раз после COVID (см. Рис. 5).

Люди начали беречь деньги и хранить их на депозитах.

Обращает на себя внимание еще одна новая тенденция китайских банков.

В Китае многие корпорации развиваются как части большой экосистемы и создают новые компоненты этой системы, в том числе и банки.

Например, когда мы говорим про «Alibaba», это уже далеко не только торговая площадка.

Количество вкладчиков коммерческих банков в Китае (в млн)

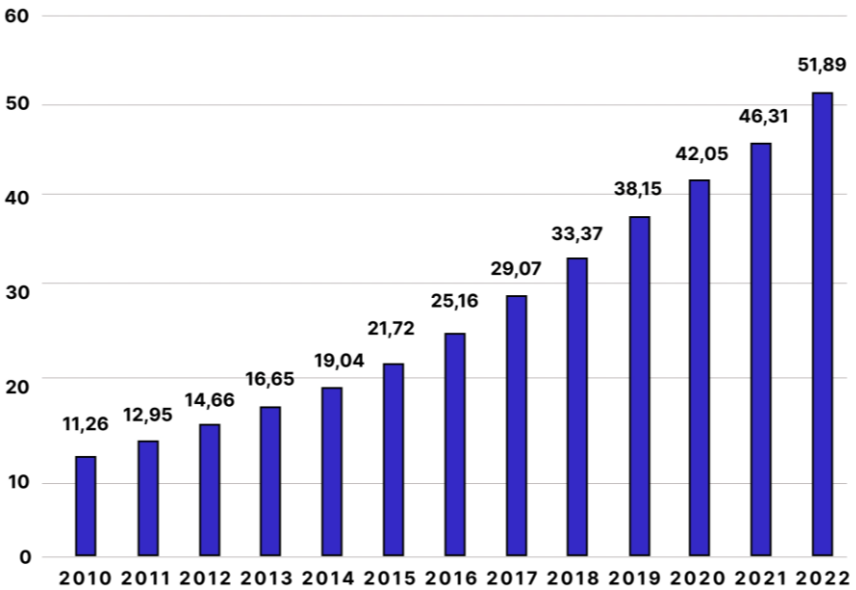

Рис. 5

У «Alibaba» есть свой банк, есть свои исследовательские лаборатории, несколько научных институтов.

Один из них, кстати, занимается вопросами биофармы и ГМО.

И «Alibaba» финансирует также институты, принадлежащие Китайской академии наук.

«Alibaba», «Tencent», «Ping An», «Xiaomi» – практически все крупные китайские корпорации развивали свои крупные страховые компании, а также создавали банки как важнейший инструмент своей работы.

Месяц назад я был на встрече с руководством крупнейшей страховой компании «Ping An».

Там честно признались в одной своей ошибке.

Они считали, что лояльность застрахованных клиентов сохранится и к банку и что эти клиенты откроют свои банковские счета.

На самом деле так не происходит, экосистемы автоматически не срабатывают.

Те, у кого был открыт счет в других банках, не обязательно переходят в новые банки.

Это проблема роста экосистемы.

В Китае сегодня по масштабам развития есть как минимум 15 крупнейших корпораций.

Они доросли до уровня настоящих финансовых монстров: «Alibaba», «Ping An», «Tencent» и другие.

Проявилась и еще одна тенденция, на которую следует обратить внимание.

Многие банки заметно уменьшили кредитование малого и среднего бизнеса, особенно за последние два года.

Им выгоднее кредитовать государственный бизнес, поскольку он защищен государством, а власти не позволяют банкротиться государственным предприятиям.

Поэтому такой бизнес можно кредитовать сколько угодно.

Как следствие, сразу возникает проблема теневого банкинга, потому что такой теневой банкинг – это для малых и средних предприятий.

Почему государство не борется с этим, хотя, казалось бы, само явление всем известно?

Чтобы малые и средние предприятия хоть как-то выживали.

Долгое время государство не могло заставить крупные банки финансировать малый и средний бизнес в новых условиях экономических вызовов.

Идет переключение с механизма экономической заинтересованности, целесообразности в рамки партийной системы, партийного контроля и стимулирования.

И это в конечном счете будет приводить к росту зарегулированности китайского банковского сектора.

Сейчас все задают вопросы о проблемах китайских межбанковских трансферов, платежей между Китаем и Россией.

Здесь все просто и одновременно сложно.

Китай не будет распечатывать эту проблему, пока не закончится горячая стадия операции на Украине.

Можно до бесконечности вести переговоры с китайским регулятором, но проблема оперативно не будет решена.

Как только горячая стадия завершится (как ни странно, для Китая не важно, чем именно), Китай сразу вернется к решению этой проблемы.

Я хотел бы закончить все-таки на позитивной ноте.

С чем я сразу соглашусь?

С тем, что Китай надолго останется основным партнером России.

Однако взаимодействие в области создания совместных механизмов денежных трансферов будет долгим процессом.

Строго говоря, финансовой системе Китая не очень интересно работать с Россией.

Основные китайские партнеры находятся не в России – они находятся в США и даже в недружественной для Китая Японии.

Китай совсем не хочет в ближайшие 10–15 лет портить отношения с долларовой массой, в рамках которой он сейчас ведет свой бизнес.

А Россия на фоне этого является единственным крупным получателем юаней.

Обращает на себя внимание такая ситуация: Китай не сдвинулся с места в плане введения хоть какой-то системы, параллельной SWIFT, хотя технически он способен это сделать.

Что показывает мой опыт переговоров прошлого и этого года с китайскими коллегами?

В том числе инвестиционных переговоров.

Китай не очень настроен развивать взаимодействие с Россией в банковской сфере именно в настоящий момент.

Все же приходится заканчивать на минорной ноте, но зато – на правдивой.

Спасибо большое.

Тосунян Г.А.: Хорошо, спасибо.

проф. МЕДВЕДЕВ П.А. – проф. МАСЛОВ А.А.

Медведев П.А.: Алексей Александрович, спасибо за очень интересный доклад.

Когда смотришь на Китай издалека наивным взглядом, вспоминаешь о принципе, который применялся там многие годы: «Одна семья – один ребенок».

И кажется, что главная проблема Китая – не экономическая, не финансовая, а демографическая.

Там должна разразиться катастрофа из-за сильного постарения населения.

А как на самом деле?

Расскажите, пожалуйста.

Маслов А.А.: Там есть проблема, но не катастрофа. Сначала ее пытались урегулировать за счет неэкономических методов.

То есть запретами: «Одна семья – один ребенок».

Потом произошло то, что должно было произойти, – развитие современного рынка.

Более 65% китайцев сегодня – это городские жители.

Уровень урбанизации вырос, в то время как при Дэн Сяопине он был около 20%.

Сегодня родителям просто невыгодно заводить большое количество детей, родители работают.

Городское население живет по-другому.

И приблизительно 10 лет назад стандартом стал один ребенок в семье.

Причем это стало нормой естественным образом, административное регулирование стало ненужным.

И это, как следствие, приводит к старению населения.

К 2030 году в Китае будет 350 миллионов пожилого нетрудоспособного населения – это в два раза больше совокупного населения России.

Многие предполагали, что Китай будет стимулировать рождаемость.

Однако там к вопросу подошли по-другому.

Решили, что надо развивать качество производства.

То есть нужно не большее количество людей, а новое качество рабочей силы.

Например, завод должен быть роботизирован, чтобы им мог управлять один человек.

Вот к этому Китай и идет.

Так в чем же может быть «катастрофа»?

На содержание пенсионеров нужно очень много денег.

В Китае с 2010 года действует пенсионная система.

Все люди соответствующего возраста получают пенсию.

Но поскольку долгое время никаких пенсионных фондов, формирующихся на счет частных отчислений, не создавалось, сегодня все это ложится чудовищным грузом на бюджет.

Лишь три провинции из 34 административных единиц сами могут платить пенсии.

Остальные платят за счет трансферов из центрального бюджета.

Китай сейчас ждет, пока эти люди естественным образом уйдут из жизни.

И тогда все постепенно наладится.

Вот как Китай сейчас действует.

Медведев П.А.: Почему наладится?

Не появится же молодежь, если один ребенок в семье.

Маслов А.А.: Да, но есть и другая проблема.

По последним данным, 20% молодежи до 24 лет – безработные.

По-моему, китайцы перестали публиковать эти данные примерно к середине прошлого года.

Сначала говорили: «Вы знаете, они блогеры. Они просто не регистрируются на рынке труда».

Нет, оказалось, они действительно безработные.

Потому что пожилое население, которое продолжает работать и занимает многие ключевые позиции, перекрыло динамику роста.

По китайским подсчетам, 900 млн человек, включая и пожилое население, вполне хватит для развития экономики.

А сейчас население Китая – 1 млрд 400 млн человек.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Некоторые докладчики отмечали, что мы сильно отличаемся от китайцев.

У них другая ментальность, другой подход к жизни.

Но судя по отношению к деньгам, к тому, что деньги не обязательно возвращать...

Они не сильно от нас отличаются?!

Профессор Тедеев, пожалуйста.

проф. ТЕДЕЕВ А.А. – проф. МАСЛОВ А.А.

ТЕДЕЕВ А.А.

д. ю. н., к. э. н., профессор, профессор кафедры государственного аудита Высшей школы государственного аудита (факультет)
МГУ им. М.В. Ломоносова

Тедеев А. А.: Спасибо огромное, Алексей Александрович!

Как всегда, блестящий доклад.

Вопрос такой.

Я буду благодарен, если Вы оцените мое наблюдение.

Прокомментируйте, пожалуйста, согласны Вы с ним или нет.

И очень хотелось бы узнать Ваше мнение о причинах сложившихся обстоятельств.

Около 10 лет я был вовлечен в создание и функционирование Университета МГУ–ППИ в Шэньчжэне.

Мне посчастливилось иметь к этому грандиозному проекту некоторое отношение в качестве одного из членов команды.

Напомню, юридически совместный российско-китайский университет выступает китайским образовательным учреждением.

При этом – что называется, «в наших ощущениях» – это фактически филиал МГУ.

Фактически, потому что, как известно, создание в КНР филиала зарубежного вуза невозможно.

В реализацию этого проекта вовлечено большое количество специалистов, в том числе и выходцев из наших финансовых органов.

В начале проекта с нашей стороны думали так.

Условно, надо только сдвинуть эту телегу с места, решить некоторые юридические сложности, которые были в законодательстве России и Китая.

А дальше – что будет нам большим подспорьем?

Конечно же, китайский финансовый и банковский сектор.

На практике, в реализации проекта, в том, что этот мостик гуманитарного сотрудничества заработал – огромная роль Народного правительства Шэньчжэня.

Безусловно, свою роль сыграли и финансовые институты города, но строго в рамках, отведенных им административными и партийными решениями.

Банковский сектор Китая, в том числе в лице представителей тех четырех банков, которые Вы назвали и которые присутствуют в России, в общем-то, не проявили интереса к этому проекту.

Такая позиция вызвала огромное удивление российских финансистов.

Что изменилось в последние годы?

Встал вопрос о переносе на китайские платформы многих финансовых (расчетных) аспектов.

В том числе в части выплаты заработной платы сотрудникам МГУ, которые преподают в Китае.

Мы столкнулись вот с чем. Чуть позже сотрудников МГУ в эти же китайские банки, представленные в нашей стране, хлынул большой поток российских предпринимателей, которые работают с Китаем или пытаются использовать его банки для проведения экспортно-импортных платежей.

И если раньше, приходя в Москве в связи со своим преподаванием в Шэньчжэне в офисы указанных китайских банков, сотрудники Московского университета

практически не встречали там других клиентов-россиян, то затем ситуация кардинально поменялась.

А что же китайские банки, находящиеся в Москве?

Они предпринимали и предпринимают все мыслимые и немыслимые юридические ухищрения, чтобы не работать с новыми клиентами.

Стараются как можно активнее «отбрыкаться» от этих российских предпринимателей.

Дело в том, что их концепция очень проста: офисы в России им нужны только для того, чтобы инфраструктурно обеспечивать тут работу китайских компаний и осуществлять кассовое и расчетное сопровождение китайских физических лиц.

Практика показывает, что фактически они не хотят инкорпорироваться в российскую экономику, она им неинтересна.

Думаю, на приведенных примерах возможно утверждать, что китайские банки и – шире – банковский финансовый капитал в Россию идти не хочет.

И все это в экстраординарных условиях, несмотря на то, что в некоторых других сферах мы видим расширение сотрудничества.

При этом я имею в виду не только продажу в России китайских автомобилей.

Согласны ли Вы с этим наблюдением?

Прав ли я в своих оценках стратегических подходов китайских банков и финансовых структур на российском рынке?

И почему, по Вашему мнению, это происходит?

Спасибо.

Маслов А.А.: Я соглашусь с Вами абсолютно во всех тезисах.

Более того, добавлю одно уточнение.

Это на самом деле не интересно китайскому банковскому сектору.

Но банковский сектор в этом смысле ничем не отличается от любых китайских производителей.

В Китае просто не принято политического решения «заходить» в Россию.

У нас в прошлом году двусторонняя торговля увеличилась до 240 млрд долларов.

Это серьезный рост, это замечательно.

Но инвестиционное сотрудничество не выросло, а это показатель экономического доверия.

Мы сейчас по-разному подсчитываем объем инвестиций, прямых и косвенных.

По одним данным – 40 млрд, по другим – 60 млрд накопленных инвестиций, даже если очень позитивно – 90 млрд.

Все равно это очень мало.

Это первый момент.

То есть никакого политического решения по инвестиционному «заходу» в Россию не принято.

Соответственно, банки как некий инвестиционный инструмент не нужны Китаю для выхода в Россию.

Второй очень важный момент.

Абсолютно правильно Вы напомнили.

Как формально рассматривался нами, внешними наблюдателями, Университет МГУ–ППИ (Пекинский политехнический институт) в Шэньчжэне?

Долгое время он рассматривался ошибочно как совместный университет, как некий филиал МГУ.

В реальности это китайское учреждение, китайский налоговый резидент.

Он пользуется в известной степени названием МГУ.

Прежде всего он финансируется правительством Шэньчжэня.

Причем по тем направлениям, которые интересны Китаю.

Например, химия, физика, извлечение каких-то новых технологических знаний.

Это сделано, на мой взгляд, в первую очередь не для укрепления российско-китайского взаимодействия, а для того, чтобы получать новые объемы научно-технических знаний.

В этом плане возвращаюсь к своему первому тезису. Китайский прагматизм и меркантилизм – это то, что движет Китаем.

И последняя, очень короткая реплика.

Проблема у нас не в Китае.

Все-таки нашими приоритетными партнерами долгое время являлись страны Запада.

Мы механически пытаемся перенести с Запада на Восток стереотипы взаимодействия, мышления, бесед, установления отношений.

Здесь мы и проигрываем.

С Китаем несложно работать, просто надо перестроить целиком наши подходы.

И не верить лозунгам, которые сами китайцы и выдвигают, – лозунгам про дружбу и развитие отношений.

Тосунян Г.А.: Спасибо, Алексей Александрович.
Пожалуйста, коллега Лобанов.

к. э. н. **ЛОБАНОВ А.А.** – проф. **МАСЛОВ А.А.**

ЛОБАНОВ А.А.

к. э. н., заместитель директора Банковского института
НИУ «Высшая школа экономики»

Лобанов А.А.: Алексей Александрович, спасибо большое за интереснейший доклад!

Сделаю пару реплик в дополнение от бывшего банковского регулятора в России.

Я тоже эту проблему видел...

Тосунян Г.А.: Алексей Анатольевич до недавнего времени возглавлял департамент банковского регулирования в Центральном банке довольно длительный период.

Лобанов А.А.: Спасибо большое.

Вспоминаю одну из встреч с большой делегацией из Китая.

Она проходила в Центральном банке задолго до COVID, тем более до СВО.

В составе делегации были представители разных организаций.

И одним из последних был представлен нам уже молодой джентльмен.

Это был председатель «Сельскохозяйственного банка Китая» – третьего в мире по величине.

Не важно, как дальше шли переговоры.

Они все были вокруг одной темы.

Темы ревностного соблюдения китайскими банками американских санкций.

Даже более ревностного, чем англосаксонскими институтами.

Меня это окончательно убедило в следующем.

Китайские банки, по большому счету, не являются банками в общепринятом понимании этого слова.

Несмотря на их гигантский размер.

Это не банки, которые завоевали свое место в мире «кровью, когтями и зубами».

И конечно, это не банки, созданные нынешними ротшильдами, джонами морганом или хотя бы их реинкарнацией, как Джеймс Даймон.

Эти структуры, по сути, как «бройлеры», которые выращены на гормонах, на искусственных кормах.

Они никогда не представляли собой самостоятельную силу.

Я имею в виду, как финансовый капитал, который отделяется от изначально породившего его торгово-промышленного капитала и начинает существовать по своим собственным законам.

Китайский банк по-прежнему идет вслед за китайским торговцем.

Просто один факт.

После кризиса 2008–2009 годов в мире возникла новая финансовая архитектура, однако вклад китайской банковской системы в нее незаметен, несмотря на поистине гигантские масштабы финансового капитала.

Неизмеримо больший вклад, например, внесли представители России, несмотря на крошечный, микроскопический размер финансового капитала, который в совокупности не тянет даже на один банк, упомянутый сегодня Вами.

Каков Ваш прогноз? Так будет и далее?

Претендует ли Китай на какую-то самостоятельную роль в развитии финансового сектора – может быть, в своих не высказанных публично намерениях?

Как известно, ни одна инновация на финансовом рынке не была создана китайским банком.

Видят ли они себя интеллектуальным технологическим лидером в этой сфере – может быть, в отдаленной перспективе?

Или они по-прежнему настроены на экстенсивный рост и на подкрепление торгово-промышленного капитала по законам практически еще XIX века?

Спасибо.

Маслов А.А.: Во-первых, абсолютно соглашусь с Вашими тезисами.

Китай почему-то не является лидером не только в организации банковской сферы, но и в других сферах.

Он повторяет уже известные форматы, притом что производит очень много смыслов и технологической продукции.

И это не единичный факт.

О чем это говорит?

На мой взгляд, Китай не очень понимает, что делать с накопленными капиталами и знаниями именно сейчас.

Эта страна всегда работает очень долгими историческими периодами, она все время нацелена на долгий горизонт.

Китай не стремится сделать что-то очень быстро, не пытается перехватить инициативу, пока до конца не поймет, что это даст ему.

И в банковской сфере он не будет участвовать в формировании некой новой системы, так как нынешняя его вполне устраивает.

О чем мечтает Китай в этой сфере?

Сделать юань основной расчетной валютой в ряде областей, например, в ШОС, БРИКС и так далее.

Но это мечта.

А сказать, делают ли они такие шаги...

Нет, каких-то заметных шагов они не делают, хотя техническое обсуждение постоянно идет.

У нас же, по сути, провалились все переговоры по «БРИКС Пэй», «ШОС Пэй» и так далее.

И будут проваливаться дальше из-за китайской позиции, из-за индийской позиции.

Поэтому мы будем лишь наблюдать, как в Китае растёт капитализация банков, при этом без всякого серьезного рывка.

Китай всегда считает, что мир вокруг достигнет пика и развалится, а Китай останется.

Тосунян Г.А.: Понятно.

Очень оптимистично, особенно для нас.

Пожалуйста, академик Полтерович Виктор Меерович, Вам слово.

акад. ПОЛТЕРОВИЧ В.М. – проф. МАСЛОВ А.А.

ПОЛТЕРОВИЧ В.М.

акад. РАН, главный научный сотрудник, руководитель научного направления «Математическая экономика» ЦЭМИ РАН, заместитель директора Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, действительный член Эконометрического общества, почетный президент Новой экономической ассоциации

Полтерович В.М.: Спасибо большое за интересный доклад!

Мой вопрос связан с Вашим замечанием по поводу роли партийных организаций в управлении экономикой, в частности, в банковской системе.

На начальных этапах китайской реформы – в конце 70-х, в 80-х годах – колоссальную роль сыграла система индикативного планирования.

Сейчас страна испытывает трудности, в том числе с технологическим развитием.

Казалось бы, их преодоление должно быть возложено именно на систему индикативного планирования.

Эта система, как показывает опыт стран «экономического чуда», приспособлена для преодоления таких трудностей.

В связи с этим не могли бы Вы рассказать, что происходит с китайской системой индикативного планирования?

Маслов А.А.: Абсолютно правильно.

70-е, 80-е, 90-е годы – это система индикативного планирования.

Тогда она была очень простой по целеполаганию: надо было накормить Китай.

А также методично развить какие-то банковские, финансовые институты, не дать возникнуть перекосу в разных отраслях промышленности.

И в этом смысле все было очень просто.

Но 2010-е годы породили другое направление – быстрый рост новых инновационных корпораций.

Классический пример – «Alibaba», да и не только «Alibaba».

Корпорации перехватывали целые сегменты рынка и начали диктовать свои условия.

При этом индикативное планирование в Китае осталось, но уменьшилось.

Сегодня планирование идет приблизительно на 20–25% по различным отраслям промышленности, если взять всю промышленность за 100%.

А в ряде китайских секторов идет регулирование цен, например, в сельском хозяйстве.

Там, в частности, можно продавать продукцию по ценам плюс-минус 20%.

То есть не более и не менее.

Кроме того, Китай живет пятилетками – пятилетки никто не отменял.

Но сегодня пятилетки – это скорее вопрос не только экономических показателей.

Это вопрос и идеологических показателей, то есть того, какой уровень благосостояния должен быть достигнут.

И последнее. Что произошло за последние 2–3 года?

Очень жесткой проверке подверглось большинство крупных частных корпораций.

Первоначально они развивались как стартапы, но дошли до уровня обладания своими банками.

После IPO были обрушены акции и таких компаний, как «DiDi Chuxing», у которой тоже был свой банк, а характер деятельности чем-то напоминал «ЯндексТакси».

Сразу после IPO началось расследование, акции обрушились, а на руководство компании был наложен огромный штраф (якобы за неправильное хранение личных данных).

Обрушились также акции «Alibaba» и связанной с ней инвестиционной компании «Ant Group».

Надо было прижать их, вернуть к лояльности по отношению к государству.

Поэтому индикативное планирование сейчас увеличивается на фоне такого жесткого давления на компании, а не уменьшается.

Было небольшое послабление в 2000-х годах, а сейчас опять все возвращается к нормативу 80-х годов.

Тосунян Г.А.: Понятно.

А наказать не проще через объявление партийного выговора, с занесением в учетную карточку?..

Маслов А.А.: Это дольше.

Тосунян Г.А.: То есть это мощный инструмент воздействия на банковскую систему?

Маслов А.А.: Да, все работает.

Тосунян Г.А.: Очень интересно.

Надо у нас внедрить.

Потому что у нас это тоже делается, но как-то менее формализованно.

Пожалуйста, Рустэм Хабибович, Вам слово.

к. э. н. **МАРДАНОВ Р.Х.** – проф. **МАСЛОВ А.А.**

Марданов Р.Х.: Большое спасибо, Алексей Александрович.

Как всегда, очень интересное, содержательное выступление.

Вы часто бываете в Китае.

Что нового происходит с точки зрения создания и использования цифровой юаня?

Виден ли он при осуществлении каких-то операций, и если да, то насколько широко используется?

Спасибо.

Маслов А.А.: Могу рассказать про свой опыт.

Я подключил себе цифровой юань, попытался расплатиться, мне не удалось.

Может быть, потому что у меня паспорт иностранный.

Но китайцам удастся.

Что Китай хотел и что получил?

Китай хотел перейти на цифровой юань сначала у себя внутри, а потом вынести его для расчетов в рамках «Пояса и пути» или ШОС.

Обсуждалось и то, и другое.

Это то, что хотелось.

Что же получилось?

В некоторых регионах цифровой юань внедрен для расчетов.

Более того, Китай постепенно уменьшает объем платежей через частные электронные платежные системы типа WeChat Pay, Alipay, поскольку все равно они привязаны к частным корпорациям.

Все это выводится на единую электронную платежную систему, которую должны использовать внутри страны.

Это делается для того, чтобы совсем уменьшить оборот наличности и постепенно, насколько я понимаю, уменьшить объем участия этих негосударственных платежных систем.

Делают это очень медленно, чтобы не раздражать население.

Власти намечали к 2025 году показать первичный результат, сейчас уже говорят про 2027–2028 годы.

Это то, что касается ситуации внутри страны.

А все предложения ввести цифровой юань вне страны не прошли.

В том числе и те, которые обсуждались в рамках ШОС и БРИКС.

Другие страны стали говорить: почему юань?

Почему не рупия? И так далее.

Российское предложение по «БРИКС Пэй» как распределенной системе платежей с пятью хабами тоже не прошло.

Я думаю, что Китай в конечном счете внедрит цифровой юань, только очень медленно.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Гагик Тигранович Закарян, пожалуйста.

ЗАКАРЯН Г.Т. – проф. МАСЛОВ А.А.

ЗАКАРЯН Г.Т.

председатель совета директоров ОАО «Юнибанк», Армения

Закарян Г.Т.: Здравствуйте!

Я хотел задать вопрос.

И заодно поднять тост.

Какую роль играет женщина в Китае?

Вообще, ее роль поднялась или нет за последние годы?

И давайте заодно выпьем за всех женщин, включая китайских, русских и всех остальных – красивых, наших любимых.

Маслов А.А.: Я отвечу, если можно, тостом.

В Китае, когда произносят тост за женщин, приводят слова Мао Цзэдуна: «Женщина – это половина неба».

Сегодня на руководящих должностях в Китае женщин – больше 30%.

Тосунян Г.А.: То есть они существенным образом нарастили женскую квоту?

Маслов А.А.: Самое главное, женщины в Китае играют большую роль в финансировании своей семьи по сравнению с мужчинами.

Это по данным социологических опросов.

Закарян Г.Т.: Нам еще далеко до этого.

Тосунян Г.А.: Коллеги, если никто не настаивает на выступлении, будем подходить к завершению.

В заключительном слове просьба ответить на вопросы из чата.

МАСЛОВ А.А.

д. и. н., профессор

Коллеги, Алла Алексеевна Шептун спрашивает:
*«Как сочетается китайский меркантилизм с этикой конфуцианства?
С коммунистической идеологией?
Что доминирует?»*

На самом деле коммунистическая идеология в Китае есть продолжение конфуцианства с другой лексикой, но с некоторыми схожими понятиями.

Конфуцианство никогда не отрицало нормального меркантилизма.

Есть понятие «конфуцианская честность, долг», это и сегодня существует в Китае.

Я много раз видел весьма характерные визитки китайских бизнесменов.

Там написана фамилия, а внизу: «Конфуцианский бизнесмен».

То есть он честный и не собирается обманывать, делая это своим кредо.

**Но это распространяется только на своих.
На иностранцев это не распространяется.**

Поэтому все нормально сочетается внутри китайской культуры.

Второй вопрос:

«Существует ли в Китае такое явление, как экономическая преступность?»

В том числе в финансовой сфере?

Появляются ли финансовые пирамиды?

Теневые денежные потоки?»

Да, существует.

Дело «Evergrande» – последний крупный случай.

Это самая крупная, как они утверждали, девелоперская корпорация в мире, и из-за нее рухнул рынок недвижимости, потянув за собой рынок почти в 310 млрд долларов.

Сейчас обсуждают, является ли это ошибкой либо это действительно финансовая пирамида.

Конечно, пирамиды есть в Китае.

Их прикрывают, с ними борются, тем не менее они существуют.

Но их меньше, конечно, чем в России в 90-е годы.

Экономическая преступность в Китае есть.

Но если иностранцы работают в Китае, то 99% из них никогда с этим не столкнутся.

Так же, как и с коррупцией.

Да, случается «распил» государственных денег.

Но на бытовом уровне, на уровне частного иностранного предприятия вы с коррупцией, со взятками никогда не столкнетесь.

Это контролируется очень жестко.

Еще вопросы.

Профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета Екатерина Михайловна Попова спрашивает:

«Вы отметили, что в Китае очень низкий уровень финансовой грамотности населения.

В связи с этим вопрос: какая динамика в секторе потребительского кредитования?

Есть ли проблема возврата кредитов?»

Проблема возврата кредитов в Китае колоссальная.

Особенно в некрупных городах, то есть городах 2–4-го уровней.

Там действительно финансовая грамотность очень низкая.

Считается, что объемы «плохих» кредитов региональных банков достигают как минимум 15–25% в зависимости от региона.

Особенно это чувствуется в сельскохозяйственных областях типа Синьцзяна, Сычуани.

Там многое зависит от погодных условий.

Когда там все разрушается, смываются поля, нарушается логистика, и люди просто не могут вернуть деньги.

Заведующая сектором Института энергетики и финансов Анна Танасова спрашивает.

«Предпринимает ли Китай какие-либо шаги по превращению юаня в валюту цены на международных рынках?»

Об этом мало информации».

Сейчас они продвигают юань больше в качестве валюты платежа.

Здесь тонкий вопрос.

Китай много раз аккуратно пытался это сделать.

Он даже пытался очень четко привязать юань к ценам на нефтяной бирже Китая.

Это все не очень прошло.

Я думаю, что здесь виден другой момент.

Обратите внимание на динамику скупки Китаем золота, на увеличение в авуарах золотых резервов и на уменьшение валютных резервов.

Китай сам не очень доверяет устойчивости своей валюты.

Это мое личное мнение, пускай меня китайцы извинят.

Также надо учитывать наличие оншорного и офшорного юаня, то есть, по сути дела, наличие двух финансовых потоков.

Когда-то это было очень важно для стабилизации китайской финансовой системы.

Сегодня это начинает мешать Китаю.

Но в этом плане Китай пока не будет менять статус юаня.

Китай подождет, власти посмотрят, что происходит на мировых рынках.

Китай очень боится открепиться от доллара.

Без активного участия доллара Китай, на мой взгляд, не очень понимает, как будет строиться международная валютная система.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Коллеги, нет желающих выступить?

Тогда мы предоставим заключительное слово докладчику.

проф. МАСЛОВ А.А. – акад. ТОСУНЯН Г.А.

Маслов А.А.: В заключительном слове я бы вот что подчеркнул, нравится вам это или нет.

Для нас Китай и ряд азиатских стран на ближайшее время станут основными партнерами, а возможно, даже единственными партнерами по целому ряду форм взаимодействия – от технологий до банковской сферы.

Чтобы с ними успешно сотрудничать, надо понимать несколько важных аспектов.

Первое.

Мы сотрудничаем не с банками.

Мы сотрудничаем не с регуляторами.

Мы сотрудничаем с государством и партийными структурами.

По любому вопросу принимается политическое решение.

И на эти политические решения надо смотреть и постоянно их мониторить.

Второе.

Нам сейчас обязательно необходимо учитывать переключение с Запада на Восток.

Нам нужно абсолютно новое поколение людей.

Людей, которые смогут работать с азиатскими партнерами.

У нас вся система подготовки, в том числе и финансовая, была нацелена на Запад.

Азия была все-таки вторичной по отношению к Западу.

Третье.

На мой взгляд, не надо надеяться, что китайские банки начнут активно работать с Россией.

Этого может не случиться в ближайшее время.

И может быть, это хорошо.

Я абсолютно согласен с тем, что долларизация ничем не хуже и не лучше юанизации.

Они абсолютно равноценно могут быть вредны для российской экономики.

При работе с Китаем важно смотреть, насколько через это мы можем укрепить нашу национальную промышленность.

Грубо говоря, провести реиндустриализацию в самых различных сферах.

А надеяться на китайские кредиты, инвестиции надо в самую последнюю очередь.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Задам напоследок вопрос.

Вместо либерализации – усиление партийного влияния.

Такие идеологические решения имеют запаздывающий эффект.

Идеология Дэн Сяопина дала шанс такому бурному развитию.

Теперь Дэн Сяопин отодвинут несколько в сторону.

Влияние его идеологии в значительной степени сокращается.

Тем более ввиду того, что и генсек стал несменяемым.

С учетом этого и многих других показателей чуть позже следует ожидать негативного эффекта от настойчивой «парткомизации» управления.

Усиление партийного влияния неизбежно должно привести к стагнации?

Или...

Как Вы назвали это?

Маслов А.А.: К торможению модели развития.

Тосунян Г.А.: К торможению модели развития.

Согласны с этим?

И еще вопрос в этом контексте.

В определенной степени Алексей Анатольевич изложил свою версию.

О возвращенных сиюминутно партийными или какими-то другими административными ресурсами бизнесе и банках.

Но единороги тоже возвращались партийными структурами.

Какова степень их свободы?

У нас в 90-е годы была абсолютная свобода.

Причем неуправляемая.

Она давала возможность всем инициаторам создавать что-то...

И положительного профиля, и негативного, и криминального профиля.

Потом начали всё регулировать.

Теперь это регулирование сильно тормозит инновационное развитие.

В том числе и «единороговское».

Отсутствие единорогов связано в том числе с зарегулированностью рынка.

А там как это происходило?

Им просто дали свободу, но чуть-чуть скорректировали?

Скорректировали с точки зрения каких-то идеологических догм?

Или их подпитывали в зависимости от близости к власти?

Или близости к идеологии?

Тем более что Вы говорите: «Роль коррупции не такая мощная, как можно было бы предположить».

Маслов А.А.: Я очень коротко отвечу.

Эта идеологизация китайской жизни – временное явление.

Китаю очень важно выиграть сейчас время, чтобы прийти в себя.

Страна не ожидала такой атаки извне и вызовов изнутри.

И она обратилась к стандартным механизмам ребалансировки через «парткомизацию».

Китайские эксперты предполагают, что потом начнется относительно небольшая либерализация экономики.

Это временно, чтобы устроить себе передышку.

Но не факт, что это осуществится.

Эффект будет, действительно, отложенный.

Пока люди не поняли, что это именно долгосрочная кампания, а не просто разовое высказывание Си Цзиньпина.

Кто не понял, того посадили.

Будем честно говорить: в Китае все очень жестко в этом плане.

Я специально не буду влезать в тематику наших коллег, которые будут подробно говорить про коррупцию в Китае.

Но когда мы говорим про коррупцию в Китае, надо учитывать такую особенность.

Мы говорим не о том, что кто-то у кого-то украл деньги или «распилил» госбюджет.

Это – борьба с региональными элитами.

Элитами, которые пытались переключить на себя часть влияния центральной власти.

И когда их надо прижать, их обвиняют в коррупции.

Это борьба за лояльность.

Сейчас прижмут, кого возможно, и дальше будет немало попоуще.

По поводу стартапов и единорогов.

В Китае в целом была очень простая политика.

Была выстроена траектория, где и как создавать стартап.

Обычно это делалось при университетах, там были созданы лаборатории и бизнес-инкубаторы.

В эти бизнес-инкубаторы приходили крупные компании типа «Alibaba», «Tencent», «Huawei», «Lenovo».

Они обучали студентов основам капитализации их интеллектуальных достижений.

Практически все известные стартапы выросли на базе университетов.

Университеты в Китае сегодня выступают прежде всего как технопарки.

А для того, чтобы они росли, им дан целый ряд преференциальных условий.

Например, освобождение от налога на прибыль на ряд видов деятельности, пониженный НДС или освобождение от НДС, освобождение от городских налогов (в Китае они довольно большие) и так далее.

Плюс выделялся разный стартовый капитал – от 1 млн юаней (10–12 млн рублей) и выше.

Обычно из десяти стартапов семь погибали, а три – прорастали, и из этих трех какой-то процент становился единорогами.

Какую роль играло государство?

Государство выстроило рамки, где можно создавать стартапы, а где не нужно создавать стартапы.

И где нельзя отмывать деньги.

Отмыть деньги на стартапах было невозможно.

Не буду углубляться в это.

Как только китайцы поняли перспективность этого, в Китае вообще был драйв на стартапы.

В любом университете их были сотни, тысячи – это все активно поощрялось.

И еще один очень важный момент.

За счет чего Китай добился успеха?

На уровне стартапов при университетах и технопарках он создал конкуренцию неэффективной в то время Академии наук Китая.

Нужны были открытия, нужны были новые вливания.

И вдруг пожилые ученые поняли, что идет молодое поколение.

Поколение, которое не признает строгие академические нормы и заточено на практический результат.

И Академия наук вместо того, чтобы обидеться, омолодилась.

Она сама стала конкурентоспособной.

Это еще один эффект.

Тосунян Г.А.: Да, очень интересно.

Интересные и вопросы, и ответы.

Абдусалам Абдулкеримович, можно Вас послушать в заключение?

ГУСЕЙНОВ А.А.

акад. РАН, д. филос. н., научный руководитель
Института философии РАН

Спасибо.

Прежде всего большое спасибо докладчику.

Не только за высокий профессионализм.

За то, что нас просветил.

За то, что дал представление об обсуждаемых проблемах.

Но и за глубину постановки обсуждавшихся сегодня вопросов, за анализ того, какое место они занимают в целом в нашем обществе.

Я бы даже сказал, в нашем мировоззрении и мироощущении.

Для меня лично тема новая.

Речь о банковской системе.

Речь и о китайском взгляде на современный мир.

Это касается и тех особенностей, которые сформулировал Гарегин Ашотович и которые связаны с различиями в подходах китайских руководителей.

Подходов Дэн Сяопина и Си Цзиньпина.

В отношении того, как в наших странах осуществлялся переход от социалистически-административных (плановых) моделей общественного развития к современным рыночным методам, я вижу большое и принципиальное различие.

В нашей стране это осуществлялось не как переход страны в целом.

То есть не организованно и не продуманно.

А делалось чисто стихийно.

По принципу «кто смел, тот и съел».

В свое время, в 70–80-е годы, выборы секретарей комсомольских организаций приобрели «игрушечный» характер.

Были такие случаи.

В аудитории собирались студенты.

Давалась команда: раз-два-три!

Все выбегали.

И тот, кто оставался последним, становился секретарем.

Приблизительно так же произошло в стране с переходом к рынку.

Дали команду «раз-два-три» – и побежали, кто куда. Кто за «Норникелем».

Кто в Турцию за барахлом.

Кто еще куда-то.

Большинство же остались с открытым ртом, не понимая, что происходит.

Вот так все и сложилось.

В Китае же не просто отдельные области осуществляли переход.

Не отдельные китайцы и стихийные группы, а страна, люди в целом.

Они как народ, как цивилизация, все общество и под единым управлением осуществили коренные социально-экономические преобразования.

Так осуществлялся этот переход, в нем также были свои стадии.

И поэтому существуют вот эти различия.

Между Дэн Сяопином и современной линией.

И самим Дэн Сяопином и предыдущей линией Чжоу Эньлая.

И даже самого Мао Цзэдуна...

Различия, мне кажется, точнее понимаются, если рассматривать их в качестве этапов в рамках одной линии движения.

Если учесть это общее различие между нами и китайским соседом, то станут понятнее и различные итоги капиталистического развития.

Чтобы осуществить этот переход, там страна предварительно саму себя не «распустила».

А пошла в сторону капитализма, если можно так выразиться, общим строем и под руководством коммунистической партии.

А у нас произошло по-другому.

Страна практически сама себя «распустила».

Вновь образовавшиеся страны как бы вновь попали в естественное состояние борьбы всех со всеми.

Глядя задним числом на 90-е годы и разбушевавшуюся стихию с этими «МММ», ваучерами, самодельными стройками и так далее, остается только удивляться, как это цунами не поглотило страну.

То, как формировалась банковская система, является, по-моему, одним из самых ярких и интересных примеров.

Еще раз большое спасибо Алексею Александровичу за такой доклад!

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

ТОСУНЯН Г.А.

акад. РАН

Что касается банковской системы Китая.

Для российских финансистов в ней много загадок.

Для себя я тоже некоторые факты вычленил.

Они, может быть, напрямую не касаются банковской системы.

Но касаются системы управления.

А в финансовой системе наиболее ярко себя проявляют.

Если говорить о партийной форме контроля и организации управления, то ее идеологический недостаток понятен.

Есть идеология.

Она подчиняется практической задаче.

Она подчиняется каким-то идеологическим догмам.

Но если это идеологическая догма, направленная на повышение уровня жизни, на обеспечение доступа широкого круга участников к работе в бизнесе, если она предполагает массовые стартапы...

То это не такая плохая идеологическая догма.

Такой догме можно было бы придать и административный ресурс.

Более того, партийная форма организации отличается от административной формы организации.

Там обязательно присутствуют контуры обратной связи.

А административная система не предполагает и не прописывает обязательность обратной связи, там доминирует императив.

Формально, в лучшем случае, на ваш вопрос вам дадут ответ в течение месяца.

Приведу пример совершенно из другой сферы.
Но очень яркий, наглядный.

Это результат определенных современных технических процессов.

Сегодня примерно 20% законных обладателей российских паспортов могут обнаружить, что их паспорта недействительны.

Есть такая печальная статистика.

Более того, у моего друга оказалось, что его паспорт зарегистрирован в системе на женщину, многократно судимую, еще и уже умершую.

Пришлось ему пару месяцев ходить по инстанциям и задавать вопросы, и ни одного внятного результативного ответа он не получил.

Пока не включили административный ресурс.

Ошибки исправлены, но... только с помощью административного ресурса.

А таких ошибок по паспортам несколько сот тысяч.

Для подавляющего большинства решения будут приниматься месяцами...

Это я по поводу контура обратной связи.

И это уже к вопросу о второй части – о борьбе с коррупцией.

Эта мысль тоже звучала, она тоже очень актуальная, ибо коррупция сильно разъедает любую систему управления.

В докладе прозвучало, что борьба с коррупцией – это прикрытия для раздела сфер влияния.

Так это не только в Китае.

И не только в коррумпированных странах.

Это вообще во всем мире...

Другое дело, что в ряде стран теряется чувство меры!

Когда это делается сплошь и рядом.

Когда это инструмент борьбы за влияние, то это уже механизм, который подменяет эффективную систему управления экономикой.

И финансовая сфера на это очень чутко реагирует...

Точнее, она очень сильно зависима от таких механизмов.

В финансовой банковской сфере нетрудно использовать этот инструмент.

Финансовые ресурсы – это не производство взять на себя и организовать его.

В этой сфере намного легче перераспределять потоки.

Легко влиять и давать зеленый свет одним, а красный – другим.

И через это фактически осуществлять управление.

Это страшное, так скажем, оружие.

Это разрушающее общество и цивилизованный рынок оружие.

Ни одно внешнее оружие не может так «эффективно» подрывать и разрушать экономику.

Поэтому, конечно, у китайцев многому надо поучиться.

Но если идеология сохранения за собой власти компартии, отдельных лиц будет доминировать?

Она разрушит позитивную часть той же идеологии.

Так что нам есть над чем думать. Нам есть чему учиться.

Главное – извлечь полезные уроки для решения собственных проблем.

Всем здоровья, успехов, удачи!

Спасибо, коллеги.

**Список литературы, опубликованной по итогам
заседаний НКС ООН РАН, открытых дискуссий
Президента АРБ и НИИ ДДиП**

1. Анализируя сегодня, говорим и думаем о будущем (18.04.2020) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 175 с.
2. Предновогодние заседания: 2020, 2021 (31.12.2020, 31.12.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 206 с.
3. Ответственность пациентов и врачей. Уровень здравоохранения в России (03.04.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 124 с.
4. Конкурентоспособность российской науки: проблемы и решения (03.04.2021, 17.04.2021, 15.05.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 333 с.
5. О проекте «Стратегия развития финансового рынка до 2030 года» (09.10.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2021. – 155 с.
6. О развитии конкуренции в сфере науки (30.10.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 130 с.

7. Социально-профессиональные проблемы прекаризации труда (18.12.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 131 с.
8. Инвалидность и жизнь (12.02.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 106 с.
9. Новая экономическая реальность: региональный разрез. Российский рынок драгоценных металлов (21.04.2022, 15.10.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 161 с.
10. 1. Санкции. 2. Перспективы экспорта российских нефти и газа в условиях санкционного давления. 3. Интернет-торговля: текущая ситуация и перспективы (11.06.2022, 25.06.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 242 с.
11. Демография России: тренды последних лет и краткосрочный прогноз (15.10.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 120 с.
12. Общее образование: проблемы и решения (29.10.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 148 с.
13. Китай: вчера, сегодня, завтра (19.11.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 189 с.

14. Одаренные дети. «Гадкие лебеди» братьев Стругацких как антиутопия кризиса образования: межпоколенческий дефолт (17.12.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 163 с.
15. Закат общества конкуренции и коллаборативное преимущество (21.01.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 128 с.
16. 1. Мировой океан: ресурсы и влияние на климат. 2. Безусловный базовый доход: шанс для России? (04.02.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 148 с.
17. Психологическое состояние российского общества (18.03.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 192 с.
18. О мозге (01.04.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 187 с.
19. Китай: открытая дискуссия. Социальный рейтинг в Китае (26.04.2023, 27.05.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 185 с.
20. Индия: вчера, сегодня, завтра. Взаимодействие России и Индии в условиях глубокой структурной трансформации российской экономики (29.04.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 152 с.

21. Денежно-кредитная политика и монетизация экономики (13.05.2023, 11.05.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуяна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 238 с.
22. Молодежь и мошенничество (31.05.2023) Теория поколений и модели мира (22.06.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуяна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 158 с.
23. Социальное неравенство (10.06.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуяна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 145 с.
24. Национальная сила: оценка и практическое применение. Гипотеза общественного прогресса: аргументы «за» и «против» (24.06.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуяна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 179 с.
25. Научное лидерство и человеческий капитал (22.07.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуяна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 150 с.
26. Цифровые валюты центральных банков (26.08.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуяна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 151 с.
27. Общество и государство (09.09.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуяна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 163 с.
28. Искусственный интеллект (14.10.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуяна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 182 с.

29. «Зеленая» экономика: принципы и проблемы (18.11.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 164 с.
30. Институт финансового омбудсмена, его роль в развитии общества (25.11.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 152 с.
31. Проблема общечеловеческих ценностей, Причины ценностных противостоятний в современном мире (17.02.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 162 с.
32. Искусственный интеллект в банковской сфере (29.02.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 121 с.
33. Мозговая активность в пожилом возрасте (паркинсон, альцгеймер, деменция) (06.04.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 162 с.

Электронные версии сборников
можно скачать по ссылке

<https://rannks.ru>

Банки Китая: стратегия развития

Материалы заседания 3 февраля 2024 года

Электронную версию сборника и презентацию
докладчика можно скачать по ссылке

<https://rannks.ru/pubs/>

Подписано в печать 30.11.2024

Формат 60x90/16

Цифровая печать

Тираж 500 экз. Заказ № 119

Отпечатано в ООО «НОВЫЕ ПЕЧАТНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»
117525, г. Москва, ул. Днепропетровская, д. 3, корп. 5, пом. II

Научно-консультативный совет Отделения общественных наук РАН был создан в 2012 году как Совет по правовым, экономическим, социально-политическим и психологическим аспектам финансово-кредитной системы. В феврале 2020 года члены НКС приняли решение расширить компетенцию Совета, перейдя от рассмотрения вопросов развития финансового рынка к более широкому кругу проблем развития общества, поставив во главу угла своих исследований и дискуссий вопросы: в каком обществе мы живем? Какое общество мы хотели бы оставить своим потомкам в наследство?

Сопредседатели Совета: академики РАН А.А. Гусейнов, А.А. Кокошин и Г.А. Тосунян.

Ассоциация российских банков учреждена в марте 1991 года. Миссия Ассоциации российских банков – реализация программы банкизации страны, создание условий для эффективного функционирования, развития банковской системы России и обеспечения ее стабильности, защиты прав, интересов банков и условий для справедливой рыночной конкуренции; участие в построении национальной финансовой экосистемы, основанной на принципах соблюдения прав и реализации комплекса мер по повышению финансовой грамотности потребителей.

Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права учрежден в конце 2019 года.

Цель института - многогранное изучение вопросов человеческой жизнедеятельности и общественных процессов, которые наибольшим образом влияют на развитие доверия в обществе, повышение чувства собственного достоинства у граждан страны и на формирование уважения друг к другу.

Институт приступил к работе в начале 2020 года в формате научных заседаний с коллегами, интересующимися проблемами доверия, достоинства, их правового обеспечения и стимулирования.